

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАЙКЛ САЛЛИВАН

ПОЛЫЙ МИР

Майкл Дж. Салливан
Полый мир
Серия «Фантастика:
классика и современность»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42990471

М. Салливан. Полый мир: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-105396-3

Аннотация

Машина времени – давняя мечта человечества. Эллис Роджерс, инженер из Детройта, сумел воплотить ее в жизнь и отправился в путешествие на двести лет вперед. И действительно оказался в будущем, только не через двести, а через две тысячи лет.

Конечно же, все изменилось. И похоже, что к лучшему. Люди живут в прекрасных подземных городах, а поверхность Земли представляет собой огромный природный заповедник. В новом мире нет старости, болезней, смерти, войн, религии и нужды, а человеческое общество состоит из бесполох клонов, которые живут и здравствуют веками. Люди давно забыли о том, что такое агрессия, в отношениях царят доброжелательность и мягкость, каждый может выбрать занятие по душе.

И в этом-то дивном новом мире американский инженер Эллис Роджерс в первый же день становится свидетелем загадочного убийства...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
Часть первая	9
Глава первая. Время на исходе	9
Глава вторая. Время уходит	31
Часть вторая	42
Глава третья. Сейчас – самое время	42
Глава четвертая. Убивая время	61
Глава пятая. Времена меняются	86
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Майкл Салливан

Полый мир

Michael J. Sullivan
Hollow World

© Michael J. Sullivan, 2013

© Перевод. Н. Гавва, 2017

© Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Эта книга посвящается тем, кто придумал сайт Kickstarter, и всем замечательным людям, которые создают там проекты – и поддерживают тех, кто создает. Вы позволяете демократизировать искусство и открываете перед нами новые невообразимые перспективы.

От автора

Сразу скажу: путешествовать во времени, как описано в этом романе, невозможно. Нет, это не предупреждение из разряда «Не пытайтесь повторить в домашних условиях». Просто книга, которую вы держите в руках, одновременно относится к двум жанрам: фэнтези и научной фантастике – но, с другой стороны, почти во всех фантастических романах есть элементы фэнтези. То самое «а что, если», запускающее цепную реакцию и толкающее нас вперед.

В классическом романе Герберта Уэллса сложные технологии, позволявшие перемещаться сквозь годы, описаны так: «А теперь обратите внимание на следующее: если нажать на этот рычажок, машина начинает скользить в будущее, а второй рычажок вызывает обратное движение». Вот и вся премудрость. Однако, несмотря на название, суть романа «Машина времени» заключается не в создании этой машины, а в размышлениях о будущем человечества.

То же самое можно сказать и о «Полом мире».

Герберт Уэллс опубликовал свою книгу в Великобритании в 1895 году. Судя по всему, в ту эпоху автор мог запросто объяснить любые невозможные события одним нажатием рычажка. Тогда еще не успели изобрести Интернет. А нынешний читатель прекрасно знает, что ни один объект не может превысить скорость света или пройти сквозь черную ды-

ру. Думаю, всеобщей осведомленности способствовали фантастические сериалы вроде «Стар Трека», а вовсе не усилия школьных учителей. Тем не менее современный читатель — человек образованный и желает получить внятное обоснование происходящего.

Именно поэтому мне пришлось хорошенько покопаться в теории. Я опирался на различные источники, но главным среди них стала книга известного астрофизика Джона Ричарда Готта «Путешествия во времени по Вселенной Эйнштейна». Мистер Готт привел довольно убедительное объяснение тому, как неподвижный объект может перемещаться во времени и преодолевать гравитационные ограничения, связанные с линейным движением, с помощью перехода в другие измерения. Теоретически это возможно, если путешественник находится в центре черной дыры под защитой особого поля, которое создается за счет отталкивания одноименных зарядов. Но теория теорией, а на практике такие путешествия неосуществимы, во всяком случае, если ваша машина времени стоит в обычном гараже. Да и математические расчеты у меня, мягко говоря, неточные. Я смешал весомые аргументы с хитрыми уловками, однако, если не всматриваться слишком пристально, эта шаткая конструкция может сойти за научную теорию.

В романе «Полый мир», как и в книге Герберта Уэллса, рассказывается не про путешествия во времени. С таким же успехом реалити-шоу можно назвать документальными пе-

редачками. Я надеюсь, что небольшая художественная вольность не испортит удовольствие от чтения. Пожалуй, ради хорошей истории можно пожертвовать некоторыми фактами – ведь мы говорим не о науке и не о природе времени.

Так о чем же эта книга?

Читайте. Полный мир ждет вас.

Майкл Салливан

Июль 2013 года

Часть первая

Глава первая. Время на исходе

Когда врач объявила, что он скоро умрет и времени почти не осталось, Эллис Роджерс рассмеялся. Реакция весьма необычная – и они оба прекрасно это понимали. Эллис находился в здравом уме, во всяком случае, не считал себя безумцем... хотя как тут определишь наверняка? Перед его внутренним взором должны были промелькнуть яркие вспышки воспоминаний: поцелуй Пегги у алтаря, выпускной в колледже, смерть их сына Айсли. Эллису Роджерсу следовало задуматься о том, что он не успел сделать за свою жизнь, о том, что было сказано – и осталось невысказанным. Но вместо этого он зацепился за одно-единственное словечко из пяти букв. Забавно, что врач выбрала именно такую формулировку, Эллис ведь не рассказывал ей про свой эксперимент в гараже.

Пульмонолог, миниатюрная индианка с яркими живыми глазами, держала в руках планшет и постоянно сверялась со своими записями. Из кармана привычного белого халата выглядывал стетоскоп. Врач говорила, облокотившись на письменный стол. Поначалу голос звучал решительно и проникновенно, но внезапный смех Эллиса сбил ее с накатанной ко-

лей, и теперь они смотрели друг на друга, не зная, чем продолжить разговор.

– Как вы себя чувствуете?

– Впервые в жизни завалил тест, – неловко пояснил Эллис в надежде, что она не будет цепляться с вопросами. В конце концов, после таких новостей пациент заслуживает снисхождения.

Одарив его встревоженным взглядом, она снова вернулась к профессиональному тону:

– Эллис, вам следует проконсультироваться с другим специалистом. – Врач назвала его по имени, как старого друга, хотя виделись они всего пару раз.

– Лекарство уже в разработке? – поинтересовался он.

Врач вздохнула, поджав губы. Сложила руки на груди, потом снова положила руки на стол.

– В разработке, но до настоящего прорыва еще далеко. – Печальный взгляд в его сторону. – А времени у вас осталось совсем немного.

И опять это словечко.

Он не рассмеялся, но улыбку, кажется, не сдержал. Эх, надо поубедительнее изображать невозмутимость. Эллис отвел глаза и принялся внимательно рассматривать банки, стоявшие на столике возле двери. Три предмета, похожие на банки для круп, только вместо сахара и муки в них лежали медицинские шпатели и ватные палочки. В третьей банке виделось что-то непонятное – наверное, шприцы, судя по упа-

ковкам... Кстати, нужно будет проверить запас аспирина в аптечке. Может не хватить.

Врач, скорее всего, ждала, что он разрыдается или начнет яростно проклинать Господа Бога, злую судьбу, пищевую промышленность и малоподвижный образ жизни. Смех и улыбки в этот список не входили. Но Эллис не мог скрыть веселья: сама того не замечая, доктор отпускала презабавные шутки.

«Нет, – он одернул себя, – не шутки. Призывы к действию. И она права: теперь меня ничто не остановит».

У Эллиса обнаружили идиопатический фиброз легких; врач сказала, что жить ему осталось примерно полгода. Возможно, год. Уточнение «возможно, год» прозвучало с наигранным оптимизмом. Любой другой человек сосредоточился бы на второй половине уравнения – на смерти – и стал бы размышлять о путешествиях: о поездке в Европу, или о сафари в Африке, или о возможности навестить давно позабытых родственников и друзей. Эллис планировал путешествие совершенно другого рода и сразу принялся мысленно составлять список. Почти все готово. Надо только купить побольше батареек для фонарика – батареек много не бывает! – и еще пару пачек «M&M's». А почему бы и нет? Теперь можно не переживать из-за лишнего веса, диабета и кариеса. «Куплю целую коробку! – решил он. – С арахисом. Желтые всегда самые вкусные».

– Я запишу вас на повторный прием через две недели. Вы

как раз успеете обратиться к другому врачу и пройти обследование еще раз. – Пульмонолог перестала писать и посмотрела на него большими карими глазами. – Как вы?

– В порядке.

– Может, лучше позвонить кому-нибудь? – Врач перелистнула пару страниц на планшете. – Например, вашей жене?

– Не волнуйтесь, все хорошо.

Как ни странно, Роджерс не кривил душой. В последний раз он испытывал подобные чувства в банковском офисе тридцать шесть лет назад, когда узнал, что может взять жилье в кредит и съехать наконец от родителей. Страх и радостное волнение перед лицом неизвестности. Свобода – настоящая свобода – кружила голову, как сильный наркотик.

«Наконец-то можно просто взять и нажать кнопку».

Врач выжидающе помолчала пару мгновений, потом кивнула.

– Если второй специалист подтвердит мой диагноз, я добавлю вас в очередь на трансплантацию и объясню все подробности на следующем приеме. Боюсь, больше мы ничего не можем сделать. – Она взяла его за руку. – Примите мои соболезнования.

Эллис тоже кивнул и легонько пожал ее ладонь. Врач продолжала улыбаться, но уже не так натянуто. Наверное, решила, что смогла успокоить пациента и установить эмоциональный контакт. Что ж, оно и к лучшему. Хорошая карма

Эллису еще пригодится.

* * *

– Что тебе сказал врач? – крикнула Пегги, едва он перешагнул порог. Жены не было видно. Скорее всего, сидит на кухне, а кричит, потому что в гостиной работает телевизор. Она часто так делала. По словам Пегги, телевизор помогал ей скрасить одиночество, однако она не торопилась выключать его, даже когда Эллис приходил домой.

– Сказала, что нет причин для беспокойства. – Он бросил ключи на журнальный столик, в конфетницу. Старая поделка, оставшаяся от сына.

– Сказала? А разве ты ходил не к доктору Холлу?

Да чтоб тебя! Эллис поморщился.

– Кх-м... Доктор Холл вышел на пенсию. Меня обследовала женщина.

– На пенсию? Неожиданно... Со здоровьем проблемы?

– Да нет, все в порядке.

– Это хорошо. Но все равно неожиданно. Он ведь ненамного старше нас с тобой. Я всегда думала, что медики выходят на пенсию позже, чем все остальные. Так что сказала врач про твой кашель?

Эллис отыскал пульт и убавил звук, приглушая громкоговосую женскую компанию на экране. Интересно, это тот самый сериал, на который он наткался каждый раз, когда

приходил домой? Или все сериалы, служившие Пегги фоновым шумом, похожи как две капли воды?

– Обычный вирус! – крикнул Эллис жене.

Обстановка в гостиной служила подтверждением того, чего они сумели достигнуть. Перед огромным телевизором – шире, чем ванная комната в их первой квартирке – стояли два обитых шелком дивана из коллекции «Уильямс-Сонوما». На полках недалеко от камина выстроились учебники Массачусетского технологического института и диссертации Эллиса в кожаных переплетах. Чуть выше лежала стопка триллеров и детективов Майкла Коннелли, Тома Клэнси, Джеаффри Дивера и других подобных авторов – его любимое чтение.

Фотографии были повсюду: на стенах, на журнальных столиках, даже на телевизоре. Из каждой рамки выглядывал белокурый ангелочек с россыпью веснушек, широкой улыбкой и не всегда полным набором зубов. А в самом центре кофейного столика красовался снимок, сделанный в парке аттракционов «Сидар-Пойнт». В тот день они фотографировались вдвоем, но Пегги тщательно сложила снимок так, чтобы Эллиса не было видно. От него в кадре осталась только рука, лежавшая на плече сына.

– Тебе прописали какое-нибудь лекарство? – спросила жена, войдя в комнату. Она еще не успела сменить свой деловой костюм. Фирменный рецепт успеха: строгий пиджак, брюки, жемчуг. Пегги бросила взгляд на экран телевизора –

вдруг там происходит что-нибудь важное? – и снова повернулась к Эллису.

На мгновение он заколебался: не рассказать ли ей правду? Хотя бы часть, о диагнозе и мрачных перспективах. Ему хотелось узнать, как она отреагирует. Что будет делать.

Нет, про лекарство надо отвечать с осторожностью. А то Пегги непременно захочет посмотреть на таблетки.

– Врач выписала рецепт. Еще не успел зайти в аптеку.

– Тогда тебе лучше поторопиться. Скоро все магазины закроются. – Она вытащила из кармана свежую пачку ментоловых сигарет, а потом посмотрела на Эллиса и разочарованно нахмурилась. – В гараж сегодня не пойдешь?

– Нет, хотел повидаться с Уорреном. Зашел, чтобы захватить пальто. А то похолодало сильно.

– Если будешь пить таблетки, сначала прочитай, что написано на упаковке.

Стараясь не шуметь, Эллис взял со столика ключи Пегги, но на улицу выходить не стал, а поднялся на второй этаж. Зашел в спальню, запер за собой дверь. Сердце стучало как сумасшедшее, и Эллис боялся, что Пегги его услышит. Но первый шаг был сделан. Все происходило на самом деле.

«Господи, я и вправду собираюсь идти до конца...»

Эллис бесшумно пробрался к шкафу, натянул пальто и принялся копать в вещах. Левая половина гардероба безраздельно принадлежала Пегги. На полу громоздились картонные и пластиковые контейнеры со старыми туфлями, сва-

дебными фотографиями и прочей дребеденью. Эллис осторожно разобрал башню из обувных коробок и вытащил на свет шкатулку для драгоценностей – ее-то он и искал. Шкатулка оказалась заперта. Ключ Пегги хранила в общей связке вместе с открывалкой, складной пилочкой для ногтей, монетницей, свистком, карманным фонариком, ламинированной фотографией Айсли, серебряной медалькой с изображением то ли верблюда, то ли ламы, еще одной медалькой, на которой был нарисован футбольный мяч, и большой пластиковой табличкой с надписью «ПЕГГИ». И что самое смешное, ключи для автомобиля в этой связке отроду не водились: у «ниссана» была электронная система отпирания дверей, а двигатель заводился нажатием кнопки.

Шкатулка открывалась на манер кассового аппарата: сначала откидывалась крышка, потом рядами выдвигались внутренние ящички, доверху набитые памятными вещицами. На глаза Эллису попала открытка – Айсли нарисовал ее на день матери, когда ему было примерно лет шесть. Просто сложенный пополам листок картона и слово «МА-МА», выведенное цветными мелками. Еще там лежала стопка писем, несколько фотографий Айсли, билеты на спектакль «Парковка запрещена» – Эллис его не помнил – и стихи, которые Пегги писала еще до того, как они поженились. В те времена она училась играть на гитаре и хотела стать знаменитой певицей, как Кэрол Кинг.

Кроме всего прочего, в шкатулке хранились украшения.

Старые клипсы и новые сережки: висюльки, длинные, как елочные гирлянды, и крошечные гвоздики. Пара ниток жемчуга, медальон из слоновой кости, россыпь колечек. В основном бижутерия, но была здесь и парочка драгоценностей.

Кольца, помолвочное и обручальное, тоже лежали в шкапулке, однако он не собирался их трогать. Эллису были нужны только серьги с бриллиантами, доставшиеся ему в наследство от бабушки. Украшения обычно валялись на самом дне, погребенные под слоями безделушек.

С первого этажа донеслись шаги: Пегги пересекла гостиную и подошла к лестнице. Эллис застыл на месте.

Представил, как жена поднимается наверх и дергает ручку двери.

«Зачем ты заперся? Эллис, что ты там делаешь?»

И что он ответит?

«Зачем ты взял мои ключи?»

Он прислушивался, боясь пошевелиться. Пегги остановилась.

«Она что, просто стоит столбом посреди коридора? Да чтоб тебя!»

Эллис, не глядя, влез в шкапулку, схватил все, что попало под руку, и запихнул в карман. Потом стал на ощупь искать сережки.

Когда на лестнице раздались шаги, он торопливо сгреб все украшения без разбору. Закрыв шкаф и кинулся к двери. Эллис успел отпереть замок за мгновение до того, как жена

повернула ручку.

– Ой, ты еще тут? – спросила Пегги.

Он улыбнулся.

– Уже ухожу.

С оглушительно бьющимся сердцем Эллис спустился по лестнице, бережно положил связку ключей на столик в прихожей и вышел из дома. На крыльце он остановился, чтобы ощупать свою добычу. Вздохнул. Кажется, он нечаянно прихватил вместе с бабушкиными бриллиантами кольца Пегги. Надо будет оставить их на кухне, вернувшись из бара, хотя Пегги уже все равно. Она носила эти кольца восемнадцать лет подряд, а потом убрала в шкаф и примерно в то же время начала посещать семинары для агентов по недвижимости. В какой-то статье она вычитала, что женщина-риелтор без обручального кольца может добиться более высоких результатов по сравнению с теми, кто их носит, независимо от семейного положения. Эллис не стал спорить и возмущаться. Настоящая причина была прекрасно ему известна. Жена спрятала кольца и с головой нырнула в карьеру, после того как Айсли повесился в гараже на одном из отцовских ремней...

* * *

Неприметный бар «Брэди» ютился между видеопрокатом и китайским ресторанчиком на Эйт-Майл-роуд. В отличие от прочих заведений в округе, у этого здания не было реше-

ток на окнах. Впрочем, окон у «Брэди» тоже не было. Кирпичную стену украшала только белая стальная дверь на тугой пружине.

Эллис остановился перед баром и закашлялся. В холодную погоду ему всегда становилось хуже; Впрочем, настоящая зима еще не наступила. Ноябрь в Детройте был лишь прелюдией к шести месяцам ледяного уныния, но с Великих озер уже подули влажные ветры. Легкие Эллиса плохо реагировали на перемену погоды. В последнее время они плохо реагировали на все подряд, разрывая грудь приступами мучительного кашля. Он подождал, пока хрипы утихнут, и зашел внутрь.

Интерьер «Брэди» соответствовал его суровому фасаду: никаких изысков, только ароматы жареной пищи и запах сигаретного дыма – совершенно неистребимый, хотя запрет на курение вступил в силу много лет назад. Липкий пол, шаткие столики, по телевизору крутят футбол, а из колонок доносятся песни старого доброго Джонни Кэша. Единственным источником света был стоящий в углу телевизор и несколько старомодных плафонов на потолке, от которых разбегались мрачные подрагивающие тени.

За барной стойкой сидел Уоррен Экард. Тяжело облокотившись на столешницу, он смотрел футбол, потягивал «Будвайзер» и качал ногой в такт «Блюзу Фолсомской тюрьмы». На нем красовалась футболка с надписью: «Я ЛЮБЛЮ СВОЮ СТРАНУ, НО НЕ НАВИЖУ ПРАВИТЕЛЬСТВО».

Размер «XXL» уже стал ему тесноват, и над поясом джинсов виднелся рыхлый бледный живот. Слава богу, Уоррен не давал штанам сползти слишком низко.

– Дружище! – Эллис хлопнул его по спине и сел рядом.

– Ну и ну! – Уоррен обернулся с нарочитым удивлением. – Смотри-ка, кто к нам пожаловал! Сам мистер Роджерс. Славный денек выдался. Как дела, приятель?

Эллис пожал протянутую руку. Его ладонь почти целиком утонула в огромной лапище Уоррена, на которой не хватало двух пальцев – мизинца и безымянного. После несчастного случая прошел уже не один десяток лет, но Эллис каждый раз обращал внимание на это увечье.

– А кто сегодня за барной стойкой? – спросил он, пытаясь привлечь внимание бармена – молодого паренька в черной футболке, с зубочисткой во рту.

– Фредди, – ответил Уоррен. – Итальянец. Так что не шути про макаронников, а то этот красавчик быстро отправит нас на корм рыбам.

– А куда делся Марти?

Уоррен пожал плечами.

– Выходной, наверное. Или увольнение. Кто ж его знает-то?

– Фредди! – крикнул Эллис. Бармен стоял, расслабленно откинувшись назад, и лениво ковырял во рту зубочисткой. – Можно мне «Будвайзер»?

Парень кивнул и ловко вскрыл коричневую бутылку с

длинным, запотевшим от холода горлышком. Шлепнул перед Эллисом салфетку, поставил на нее пиво и снова взялся за зубочистку.

– Сегодня играют «Лайонс»? – поинтересовался Эллис, стягивая пальто.

– Против «Редскинс», – ответил Уоррен. – Наших по стенке размажут.

– Вот так ты поддерживаешь свою команду?

– У них все равно нет ни одного нормального игрока. – Он допил свое пиво и звонко опустил бутылку на стол. Заметив это, Фредди сразу достал еще одну.

– Предложи им свою кандидатуру, когда ребеночек родится. Ты на каком месяце? Восьмом или девятом?

– Какой ты смешной, живот надорвешь. Сам ведь знаешь... – ответил Уоррен, старательно изображая Марлона Брандо. Правда, вместо молодого боксера из фильма «В порту» у него получился изможденный Вито Корлеоне. – Я мог бы стать достойным противником.

– Эх, если бы да кабы! К слову сказать... – Эллис вытащил из внутреннего кармана пачку листов, скрепленных степлером. Измятые страницы были покрыты кофейными пятнами и торопливыми заметками на полях. Мелкий текст шел в две колонки – в основном, уравнения.

– А это что? – спросил Уоррен. – Совсем заработался... В бар уже тащишь?

– Нет, это личное. Уже много лет занимаюсь одним про-

ектом – что-то вроде хобби. Слышал про теорию относительности и черные дыры?

– Я что, похож на Стивена Хокинга?

Эллис улыбнулся:

– Иногда. Когда сидишь попрямее и говоришь поотчетливей.

Уоррен разразился притворным хохотом.

– Да ты сегодня в ударе, дружище! – Обернувшись к Фредди, он добавил: – Слышал, как мистер Роджерс пошутил? Чисто Мо Ховард.

Фредди обслуживал трех женщин на противоположном конце барной стойки – две бутылки «Миллер Лайт» и один «Мичелоб». Он с удивлением обернулся к Уоррену:

– Кто?

– Ну как же, три юмориста!

Но Фредди только покачал головой.

– Парень, ты что, с луны свалился? Ларри, Кёрли и Мо. Лучшие комики нашего времени.

– Это в каком веке было? – уточнил Фредди с улыбочкой – наглой, но не лишенной очарования.

– Ладно, проехали...

На лице Уоррена явственно читалось: «Ох, ну и молодежь нынче пошла». Эллис забавлялся от души: они познакомились еще в те времена, когда сами были молодежью.

Уоррен пролистал его заметки и покачал головой, как полицейский на месте особо жестокого преступления.

– Неужели тебе это интересно?

– Ты смотришь футбол, – откликнулся Эллис. – А я занимаюсь квантовой физикой...

– Футбол – это весело.

– Физика тоже.

Уоррен махнул в сторону телевизора, где как раз показывали огромный стадион Фэдэкс-филд в Мэриленде.

– Там на трибунах сидит больше восьмидесяти пяти тысяч болельщиков, и еще сто миллионов каждый год смотрят финальный матч по телику. Вот это я понимаю – всеобщий интерес!

– Когда Нил Армстронг делал первые шаги на Луне, за ним наблюдали пятьсот миллионов человек. Как считаешь, им было интересно?

Уоррен нахмурился и присосался к бутылке.

– Так что у тебя с бумажками? По делу показываешь или просто так выпендриваешься?

– Выпендриваюсь?

– Ну, ты же у нас доктор наук, а я едва школу окончил.

Эллис нахмурился:

– Не дури.

– Пятьдесят восемь лет только этим и занимаюсь.

Он снова глотнул пива. Эллис ждал.

В конце концов, Уоррен закатил глаза:

– Ладно, ладно... Давай колись. Что у тебя там?

Эллис разложил бумаги на барной стойке.

– Немецкий ученый Густав Гофман в тридцатые годы опубликовал свою теорию в журнале «Анналы физики». Это один из старейших научных журналов в мире, там публиковался даже Эйнштейн. Пойми, речь идет про большую науку.

Уоррен смотрел на него с вымученным терпением.

– На эту теорию никто не обратил внимания. Во-первых, расчеты были неубедительны, во-вторых, он пытался доказать, что путешествия во времени не просто возможны, но и осуществимы на практике. Я написал по Гофману одну из своих научных работ, применив современную квантовую теорию на базе его концепции. Но даже после завершения исследования не мог выкинуть эту идею из головы и продолжал экспериментировать с математическими выкладками. Примерно два года назад мне стало понятно, где Гофман допустил ошибку.

– Вот и хорошо, – механически кивнул Уоррен. – Сплошная тоска и уныние, но если тебе это в радость, то я спорить не буду.

– Ты не понимаешь. Эта теория... все очень просто. С математикой, конечно, пришлось повозиться, но финальное уравнение получилось простым и изящным, как любое настоящее открытие. А главное – его можно применять на практике. Я говорю про прикладную науку, не про голые теоретические рассуждения. Вот взять Эйнштейна, например. Он придумал теорию, а ребята из Манхэттенского проекта сконструировали атомную бомбу. Правда, на разработку и

исследования ушли долгие годы, им потребовалось множество ресурсов и огромная техническая база. А это, – Эллис постучал по стопке бумаг, – это гораздо, гораздо проще.

– Ага, и что?.. – Уоррен быстро терял интерес к разговору. Впрочем, терять было особо и нечего.

– Да пойми ты, по этим формулам можно построить машину времени! Ты хотел бы увидеть будущее?

– Нашел дурака! Я и так слишком много повидал. Знаю, что нас ждет. В последний раз человечество объединялось ради достойной цели, чтобы убить Гитлера. – Уоррен глотнул пива и утер рот.

– Брось, неужели тебе не хочется узнать, что будет дальше?

– А что будет, если сигануть с обрыва? – Уоррен усмехнулся и покачал головой. – Мир катится к чертям собачьим. Америка стала похожа на мой старый «быюик». Проржавела до дыр. Китай скоро задаст нам жару. Будем питаться рисом и таскать за собой книжечки с цитатами Мао Цзэдуна.

Теперь усмехнулся Эллис.

– Что, не согласен? – спросил Уоррен. – А вся беда в том, что мы стали слишком мягкотелы. Беби-бумеры и их дети привыкли к легкой жизни. Засранцы избалованные. Со следующим поколением будет только хуже. Все хотят жить в просторных домах и гонять на крутых машинах, а работать не хочет никто. Да что там, сейчас работы не боятся только чертовы мексикашки.

Эллис поморщился и бросил взгляд на компанию латиносов, сидящих за столиком у двери. Они то ли не слышали рассуждений Уоррена, то ли просто не обращали на него внимания.

– Давай-ка ты слегка убавишь громкость, мистер Бункер... И, возможно, начнешь использовать революционный термин нового тысячелетия – «латиноамериканцы».

– Чего? – Уоррен покосился в сторону дальнего столика и добавил еще громче: – Это комплимент был. Они настоящие трудяги. Вот что я имел в виду.

– Ох, ладно... – Эллис потер лицо руками. – Мы с тобой про будущее разговаривали.

– Да к черту будущее! Впереди нас ждет апокалипсический ад или того хуже – какой-нибудь всеобщий тоталитарный режим во главе с Большим братом, как в книжке Орсона Уэллса.

– Книгу «1984» написал Джордж Оруэлл. Герберт Уэллс написал «Машину времени». А Орсон был режиссером и актером.

– Да какая разница? Говорю тебе, дружище, в будущем ничего хорошего не случится.

Эллис задумался: интересно, понимал ли Уоррен, что он тоже был частью того самого поколения беби-бумеров, которые, по его мнению, были виноваты в крахе цивилизации? Вряд ли он причислял себя к числу избалованных засранцев – и, наверное, был прав. Они оба родились в семьях простых

трудяг, доработавшихся до ранних инфарктов. Просто Эллису повезло, а Уоррену – нет.

Уоррену пришлось распрощаться со своей мечтой о карьере профессионального футболиста, после того как он лишился двух пальцев. Несчастный случай на производстве: их отрезало прессом, потому что Уоррен снял защитную перегородку, которая мешала ему работать. Он даже выиграл судебное дело, заявив, что перегородки должны быть несъемными. Судя по всему, Уоррен думал, что имеет полное право диктовать свои требования – в качестве компенсации за потерянные пальцы. При мысли о внушительной сумме друг Эллиса разом позабыл о своей личной ответственности за произошедшее.

– Если бы ты отправил меня в прошлое, тогда другое дело, – продолжал Уоррен. – Твою мать, да хотя бы в пятидесятые годы. Вот уж где рай земной, а! Америка правила миром и служила символом надежды и свободы для всех остальных. Каждый мог осуществить свою мечту. Люди знали, чем им полагается заниматься. Мужчины работали, женщины сидели дома и воспитывали детей.

– Нет, назад нельзя. Не получится. Гофман писал, что перемещаться можно только вперед. Ну, то есть на самом деле никто никуда не перемещается. Ты остаешься на месте, а время проходит. Как во сне. Лег на кровать, закрыл глаза – хоп! – и уже следующий день. Ты только что перескочил семь-восемь часов. Но даже если было бы можно отмотать

время назад, я все равно хотел бы побывать в будущем.

– А ты и побываешь. Хотя бы в ближайшем. Мы ж с тобой еще не померли.

Эллис снова приложился к пиву и задумался. Странно, что Уоррен выбрал именно такие слова – будто знак свыше. Эллис хотел было рассказать, как получил от Всевышнего увольнительную, но вообразил себе эту беседу и передумал. Жизнь в Детройте, городе моторов, не располагала к трепетным разговорам о чувствах. Чтобы вынести тяжесть очередного экономического коллапса, вместо позвоночника нужен был стальной стержень. Жители «ржавого пояса»¹ – так же, как их отцы и деды – дымили сигаретами, пили и, стиснув зубы, сводили концы с концами. Они никогда не обнимались, только пожимали руки. И Эллис не хотел говорить своему лучшему другу, что умирает. Зачем вываливать такие унылые новости на окружающих?

– Ладно. – Эллис вручил Уоррену стопку бумаг. – Пусть останутся у тебя.

– Зачем?

– На всякий случай.

– Какой такой случай?

– Если сработает.

– Что сработает? – Уоррен сначала прищурился, потом широко распахнул глаза. – Погоди-ка... Ты о чем вообще?

¹ «Ржавый пояс» – район на востоке США, где сконцентрирована большая часть тяжелой промышленности страны (Здесь и далее прим. переводчика).

Собрался проверить свою теорию? Соорудить машину времени?

– Не просто собрался. Я начал строить ее сразу после того, как понял, в чем ошибка Гофмана. Сейчас стоит у меня в гараже.

Точнее сказать, гараж и стал его машиной времени, но Эллис решил не вдаваться в подробности. Уоррен и так уже хмурил брови, будто старался разглядеть трехмерный объект на точечной картинке.

– Это ведь не опасно?

Роджерс промолчал, и брови Уоррена поползли вверх.

– Эллис, ты башковитый парень! Самый умный из всех, кого я знаю. Не делай глупостей, а...

Эллис покачал головой.

– Не беспокойся. Возможно, оно и не сработает. Просто, понимаешь... Вот тебе не довелось сыграть на больших стадионах... – Он махнул в сторону телеэкрана. – А мне не удалось стать астронавтом, выйти в космос, ступить на поверхность Марса. Может, это и опасно, но я уже старею. Времени почти не осталось, и я не успел совершить ничего по-настоящему важного... ничего смелого, авантюрного.

– А как же Пегги?

Эллис отпил из полной бутылки; пена перелилась через край и расплылась лужицей на столе, потому что Фредди забыл положить свежую салфетку. Хотелось переспросить: «Какая Пегги?»

– Так будет лучше. Думаю, вздохнет с облегчением. Несколько лет назад мне предложили отличную должность в Техасе, и я завел разговор о переезде. Пегги сказала, что останется там, где похоронен Айсли, а я могу отправляться куда угодно. В итоге, я никуда не поехал, и она даже слегка расстроилась.

– Она все еще винит тебя в том, что случилось?

– Не без весомых причин.

– Вот только не кори себя. Я бы на твоём месте сделал то же самое. – Уоррен покачал головой и скривился, будто откусив лимона. – Любой бы поступил точно так же.

– Ладно, хватит на эту тему.

– Хорошо. Извини. Я не хотел...

– Забудь. – Эллис крикнул Фредди: – Эй, дружище, плесни-ка нам пару шотов «Джека Дэниэлса»! Надо отметить это дело.

Фредди налил им виски, и Уоррен поднял бокал:

– За долголетие!

Эллис поднял свой:

– За будущее.

Они чокнулись и выпили.

Глава вторая. Время уходить

Эллис вернулся домой. К тому времени он уже успел до конца осознать, что ему предстоит, и первоначальный восторг пошел на убыль. Нельзя было просто взять и уйти, не сказав ни слова, будто в магазин за сигаретами. Да, они с Пегги давно стали друг другу чужими, но что с того? Тридцать пять лет в браке – жена заслуживала того, чтобы Эллис с ней по-человечески попрощался. А вдруг он ошибся, вдруг неправильно подключил провода, вдруг Гофман допустил просчет и...

«Что, если Пегги снова наткнется на труп в гараже? Нельзя с ней так поступать!.. О, господи, о чем я вообще думаю?»

Надо было рассказать обо всем, объяснить. Может быть, она поймет и отпустит, если узнает, как это важно, – ведь в будущем для его болезни может найтись лекарство. Эллис начал формулировать аргументы, но вдруг заметил, что в кухне все еще горит свет. Большие часы, стоявшие в холле, недавно пробили одиннадцать. Он пришел домой раньше обычного, но в последние шесть лет жена всегда укладывалась спать в половину одиннадцатого.

«Но почему горит свет?»

В холле и гостиной тоже горели все лампы. А телевизор был выключен. «Странно это. Даже как-то зловеще. Она никогда не выключает телевизор».

– Пегги? – позвал он. Заглянул в пустую ванную. – Пегги? – крикнул Эллис еще громче и зашагал вверх по лестнице.

Он зашел в спальню, но жены там не было, и зловещее предчувствие сменилось настоящим испугом. Потом Эллис заметил на кровати открытую шкатулку с драгоценностями и все понял. Пегги обнаружила следы его преступления. Разумеется, он ведь оставил все на виду. Шкатулка наверняка сразу бросилась Пегги в глаза, стоило ей заглянуть в шкаф.

«Ох, чтоб тебя! Наверно, решила, что нас ограбили! Перепугалась до смерти и не захотела оставаться дома одна. Главное, чтобы Пегги не пошла в полицию. Нет, сначала она бы обязательно поговорила со мной...»

Он вытащил телефон. Ага, вот и сообщение от Пегги. Эллис коснулся иконки и включил громкую связь.

«Эл? Черт побери, Эл, возьми трубку! Пожалуйста, ответь. – Голос жены дрожал. Говорила она громко, испуганно, но без оглушительных криков. – Нам надо поговорить. Я хочу знать, что у тебя на уме. – Долгая тишина. – Прости меня. Правда, прости, это случилось давным-давно. Не знаю, зачем я хранила письма. Глупость какая-то. Напрочь о них забыла.

Знаю, надо было сразу рассказать тебе обо всем. Господи, ну возьми трубку! Послушай, ты еще в «Брэди»? Я сейчас туда приеду. Через двадцать минут, не больше. Там и поговорим, ладно? Пожалуйста, не злись. Уоррен не виноват. Ни-

кто не виноват. Просто так получилось, надо было рассказать тебе, но... Если ты услышишь это раньше, чем я приеду, не уходи никуда и не делай глупостей, хорошо?»

Сообщение закончилось.

Эллис смотрел на телефон с открытым ртом.

«Не знаю, зачем я хранила письма».

Он подошел к кровати, вспоминая о том, что лежало в шкапулке – открытка от сына, театральные билеты, фотографии, стихи и письма. Но теперь их там не было. Шкапулка оказалась пустой. Пару мгновений Эллис просто смотрел на нее, а потом вдруг понял, что он сам выгреб оттуда все содержимое.

«Глупость какая-то».

Эллис опустил руку в карман пальто.

«Знаю, надо было сразу рассказать тебе обо всем».

Вытащил пачку бумаг, позволяя фотографиям, стихам и билетам соскользнуть на пол. В руке остались только конверты. Штемпели 1995 года, несколько месяцев прошло после смерти Айсли. В строке адресата – абонентский ящик Пегги, который она использовала для деловой переписки; а почерк принадлежал Уоррену.

«Уоррен не виноват...»

Эллис стоял посреди комнаты, неподвижный и ошарашенный. Услышав шум подъехавшей машины, он вспомнил о Пегги, сложил письма в карман и отправился к гаражу. Отдельный маленький домик на заднем дворе – его единствен-

ное убежище. После смерти сына Пегги ни разу туда не заходила. Сейчас Эллис хотел поразмыслить в одиночестве, а гараж был его собственной секретной базой.

* * *

Внутри он совсем не был похож на гараж. Из-за многочисленных проводов помещение напоминало жутковатую скульптуру Гигера. В самом центре стояло автомобильное сиденье, вытащенное из старого минивэна. Под креслом располагался черный каучуковый куб, из которого в разные стороны тянулись длинные шланги; всю эту конструкцию стеной окружали пластиковые ящики для бутылок. Десятки толстых кабелей переплетались в паутину, соединявшую медные пластины, аварийные выключатели и аккумуляторы, закрепленные на стенах и потолке. Раньше это был обычный гараж на два автомобиля, но теперь он больше походил на адронный коллайдер.

Несмотря на все оборудование, часть стены осталась нетронутой – там по-прежнему висели два старых, ничем не примечательных украшения. Календарь 1993-го года с черно-белыми фотографиями Йосемитской долины, сделанными Анселом Адамсом. Эллис получил календарь в подарок от Айсли на рождество – сыну тогда было всего пятнадцать. На страницах красовались удивительные горные пейзажи и водопады, но Эллис перестал переворачивать листы

на сентябре. Сентябрьская фотография нравилась ему больше всех. А еще в сентябре погиб Айсли...

Вторым украшением служил постер с семеркой астронавтов из проекта «Меркурий». В детстве он висел у Эллиса в спальне вместе с постерами экипажей «Аполлона». Эллис случайно наткнулся на него, когда искал на чердаке связку с кабелями, и не удержался – повесил здесь, в гараже. С поблекшей фотографии взирали семь первых астронавтов, представленных миру девятого апреля 1959-го, когда Эллису было всего три года. Решительные мужчины в блестящих скафандрах и белых эмалированных шлемах стояли в два ряда. Эллису больше всего нравились Джон Гленн и Алан Шепард – причем Шепард выигрывал не только потому, что стал первым американцем в космосе, но и потому, что его полет пришелся как раз на пятый день рождения Эллиса...

Зайдя в гараж, он запер за собой дверь. Дышать было трудно. В груди опять клекотал кашель, но на этот раз Эллису казалось, что дело не в легких. Он чувствовал, будто внутри что-то сломалось и рассыпается на куски.

Если бы Эллиса спросили, любит ли он свою жену, он бы сразу ответил «да», хотя не очень хорошо понимал, что имеется в виду. Размышлять о любви – все равно что пытаться вообразить рай: сразу скатываешься на слащавые глупости. В фильмах и песнях так старательно твердят про любовь, что она превратилась в сентиментальную банальность. «От любви вырастают крылья», «встреча двух половинок» – отлич-

ные слоганы, но ведь в обычной жизни все совсем по-другому. Он не чувствовал ничего подобного к Пегги, да и Пегги вряд ли испытывала такие чувства к нему самому.

Они познакомились на вечеринке у Билли Реймонда, одного из приятелей Уоррена. Праздновали шестую годовщину школьного выпуска, и Уоррен уговорил его прийти. Эллис как раз получил свой первый магистерский диплом, а его друг в то время работал на конвейерном производстве в Уиксоне. Уоррен умел найти подход к женщинам, зато у Эллиса всегда было больше шансов получить молнией в лоб, чем с кем-нибудь познакомиться. Поэтому когда Пегги заговорила с ним, Эллис был сражен наповал. Приятно, когда тебя замечает красивая девушка! Они встречались время от времени, а через несколько месяцев она сообщила, что беременна. Пегги боялась, что он бросит ее точно так же, как Уоррен бросил Марсию. Но Эллис не пошел на попятную. Он поступил правильно – по крайней мере, тогда он не сомневался в верности своего решения.

Они с Пегги разговаривали мало и редко. Эллис работал в «Дженерал моторс», проектировал фотоэлементы для солнечных батарей, а жена посвятила себя ребенку. Айсли был связующим мостиком между ними, точкой соприкосновения... После смерти сына они стали совсем чужими – два незнакомца под одной крышей. И все равно, Эллис не ожидал, что предательство жены откликнется такой болью.

Пусть между ними не было родства душ, но Пегги все-

гда его поддерживала. Они доверяли друг другу. Эллис знал: даже если земное притяжение исчезнет, свет изменит свою скорость, а смерть и налоги перестанут существовать, Пегги все равно будет ждать его дома к ужину и готовить лосося по четвергам. Письма, лежавшие у него в руках, означали, что солнце больше никогда не взойдет, планета перестанет вращаться и время замрет.

Но, разумеется, все шло своим чередом...

Пегги обязательно вернется, чтобы поговорить. Однако Эллис не хотел с ней разговаривать, он вообще не хотел никого видеть. Хотелось одного – просто исчезнуть...

Он покосился на автомобильное кресло в окружении пластиковых ящиков.

«Время. Я могу его остановить – хотя бы для себя».

Эллис подошел к электрическому щитку и щелкнул новенькими переключателями, выбирая обходную цепь на каждой линии. Теперь вся энергия от «Детройт Эдисон» направится к гаражу и будет идти неудержимым потоком, пока не расплавятся провода или пока Эллис не сдвинет рубильник у себя на подстанции – а он обязательно его сдвинет, но сначала выдоит нужное количество мегаватт. Напряжение в домашней сети упало, и лампы над головой разом потускнели. Весь гараж гудел, как высоковольтные провода.

Эллис снял пальто и засунул его под катушку с тросом. Все необходимое было уже давно упаковано несколько месяцев назад. Он остановился, обвел взглядом гараж и посмот-

рел на календарь – на свой маленький мир. Эллису было одиноко, словно он оказался посреди пустыни. Ничего не осталось... Только машина времени. Дверь, пройдя через которую нельзя вернуться назад.

Эллис пробрался к креслу и поставил ящики на место. Сквозь пластиковые ячейки был виден постер астронавтов из «Меркьюри». Наверное, они испытывали такие же чувства, когда садились в ракету и готовились к встрече с неизвестным. Понимали, что после возвращения все изменится: и для них самих, и для всего мира.

Эллис пристегнул ремень. Взял планшет, отключил блокировку. Потом открыл приложение, которое разрабатывал сам, и перепроверил все числа.

«Не уходи никуда и не делай глупостей, хорошо?»

А почему бы и нет? Как пела Дженис Джоплин, «свобода – это всего лишь, когда нечего больше терять».

Кнопка на панели управления светилась красным – заряда хватит, можно отправляться в путь. Ракета «Атлас» готова к старту. Первый сверхзвуковой самолет «Очаровательная Гленнис» уже стоит на борту бомбардировщика «Б-29» и вот-вот станет частью истории.

Люди путешествуют во времени каждый день, не осознавая этого. Одни двигаются быстрее, другие медленнее, потому что тело в состоянии покоя перемещается во времени немного быстрее тела, которое движется. Эйнштейн обнаружил, что пространство и время взаимосвязаны. Время для

всех течет по-разному: если человек тратит слишком много усилий на зарабатывание денег, то у него не останется ни одной свободной минутки. Обычно замедления времени никто не замечает, потому что разница ничтожно мала. Но если отправить ракету к ближайшей звезде, то для космонавта путешествие может занять двадцать лет, а на Земле пройдут столетия. Правда, для такого эксперимента понадобится космический корабль. Однако на время можно повлиять и другим способом – изменив его связь с пространством.

И тогда не нужно отправляться в дальний космос. Все, что потребуется, – это масса, эквивалентная массе Юпитера и сжатая до состояния черной дыры, с помощью которой можно сгенерировать огромный гравитационный колодец. Пространство исказится, время замедлится. А путешественник должен находиться в пределах сферической массовой оболочки, которая останется не тронутой ветрами времени – затишье в сердце бури. Надо только выждать определенный промежуток, а потом можно выбираться наружу, уже в другой эпохе. Разумеется, у этого способа есть свои очевидные недостатки. Точнее, были, пока Гофман не разработал метод, который позволял создать контролируемый гравитационный колодец, защитить человека, находящегося в его центре, и предотвратить поглощение окружающего пространства.

Путешественника можно изолировать, создав электромагнитное поле, которое будет отталкивать одноименные заряды и защищать его от критической массы. Если что-то

пойдет не так и гравитационный колодец начнет поглощать все вокруг, то первым будет разрушен источник питания, а вся система автоматически выключится — так сказать, полная безопасность. И все же такой эксперимент напоминал первые полеты братьев Райт. Слишком рискованная затея. Эллис легко мог распрощаться с жизнью.

Самое страшное ожидало его в конце. Эллис запрограммировал планшет на отслеживание своего положения во времени и в пространстве, чтобы выбраться наружу на том же месте. Эти расчеты оказались самыми сложными. Пришлось учитывать не только вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, но и движения галактики в космосе. В случае ошибки Эллис рисковал материализоваться внутри какой-нибудь звезды или, что вероятнее, где-то в глубинах космоса.

Он установил цель путешествия: на двести лет и восемь месяцев вперед. Хотел переместиться не в осень, а в лето. Но и тут можно было легко промахнуться. На точный срок влияло множество факторов. Мощность питания, емкость аккумуляторов, кабели, даже влажность воздуха — из-за любой мелочи дата прибытия могла сместиться на несколько лет.

Эллис поднял руку. Пальцы тряслись. Пару мгновений он смотрел на мерцающую кнопку. А потом, наконец, жизнь и вправду промелькнула у него перед глазами. Эллис увидел мать, отца, себя в колледже, потом новорожденного Айсли, а потом — как он учил сына кататься на велосипеде. Увидел

Пегги на белом горном склоне: снежинки на ресницах, щеки алеют румянцем. Она крепко держала его за руку и смеялась. Эллис тоже хохотал во все горло. Господи, они ни над чем не смеялись вместе вот уже...

Грусть, тоска, гнев и разочарование. Боль растеклась по груди, сжала сердце. Эллис с трудом перевел дух.

– Что ж, пора прощаться, – произнес он.

И нажал кнопку.

Часть вторая

Глава третья. Сейчас – самое время

Раздался хлопок, лампы над головой погасли – значит, предохранитель на подстанции отключился, и, возможно, ему удалось перенаправить всю энергию в сеть гаража. Больше ничего не произошло.

На миг сердце сжалось от разочарования, но потом Эллис заметил, что подсветка стартовой кнопки еще горела, а провода гудели все громче и громче. Автомобильное кресло тряслось и вибрировало, как массажная кровать; окружающий мир потерял четкость. И хотя Эллис всей душой желал, чтобы машина времени заработала, разумом он до конца не верил в успех. Был заранее убежден в неудачном исходе – точь-в-точь как редакция «Чикаго дейли трибьюн», которая выпустила номер в печать, не дождавшись результатов голосования, и присудила победу в выборах Дьюи вместо Трумэна. Однако, несмотря на все его сомнения, снаружи что-то происходило.

Сквозь ячейки пластиковых ящичков по-прежнему виднелся постер с астронавтами, но выглядел он как-то иначе. Краски поблекли, начали отливать синевой. Свет фонаря, пробивавшийся в окно, мерцал всеми цветами радуги. По-

том Эллис заметил движение. Тени медленно поползли вперед, как на ускоренной перемотке. Не проносились мимо, не обгоняли друг друга – двигались едва-едва, почти незаметно. Время за пределами пластиковой клетки шло чуть быстрее. Значит, Эллис все-таки сумел создать контролируемый гравитационный колодец и окружить себя защитным полем. Иначе к этому моменту он был бы мертв.

Эллис посмотрел на планшет: цифры менялись все быстрее с каждой секундой. Программа должна была автоматически уничтожить гравитационный колодец и электростатическую оболочку, когда истечет заданный срок. Но что случится потом?

Назад пути не было.

Прошло примерно пять минут, и Эллис вспомнил о возвращении Пегги. Вдруг он попадется ей на глаза? Межпространственное перемещение уже началось, но Эллис по-прежнему смутно различал стены гаража. Он представил, как Пегги заходит внутрь и видит призрачный неподвижный силуэт, склонившийся над стартовой кнопкой. Достигнув определенного порога, он, наверное, просто исчезнет во вспышке света, как космический корабль «Энтерпрайз».

«Сколько еще осталось? Скорей бы...»

Словно по сигналу, Эллис почувствовал рывок. Раздался грохот, будто мимо промчался товарный состав. Мир полыхнул синим, потом все затопила белизна. Когда грохот стих, Эллис почувствовал, что падает в пустоту. Кажется, он кри-

чал, но не слышал собственного крика. В голове крутилась только одна мысль:

«Вот как, значит, выглядит смерть...»

* * *

Эллис не понимал, оставался ли он в сознании. Да и применимо ли здесь слово «сознание»? В одном он был уверен: человеческий разум, созданный тысячелетиями эволюции или божьей волей, не был предназначен для того, что он совершил. Восприятие реальности имеет свои границы. Некоторые вещи просто невозможно осознать, и без точек отсчета путешествие в зазеркальный мир физики превратилось в сплошное размытое пятно.

Было невозможно определить, сколько минут прошло с тех пор, как он нажал кнопку. Человеческое мышление почти во всем зависит от окружающей обстановки, и в пустоте даже течение времени теряет смысл. Сообрази он чуть раньше, Эллис бы попробовал отсчитывать вдохи и выдохи или постукивать пальцем на манер метронома, но такие мысли были слишком рациональны для происходящего безумия. Астронавтов учат реагировать на аномалии с невозмутимым спокойствием, но Эллис астронавтом не был. Он уронил планшет, схватился за подлокотники, стиснул зубы и начал молиться. А годы мчались мимо яркими вспышками...

Эллис верил в Бога, ходил в методистскую церковь. Биб-

лию он не читал и, как говорила мать, на личной встрече со Всевышним не был. Но это не играло никакой роли. Во Франции он тоже никогда не бывал и не читал «Отверженных», однако все равно не сомневался в существовании Парижа. Когда Айсли еще был жив, Эллис и Пегги регулярно ходили в церковь. После его гибели они стали бывать там все реже, а в последние десять лет и вовсе перестали посещать проповеди.

Эллис отдалился от Бога, как от Пегги. И все же, мчась на гребне электрической волны сквозь массу двух сотен солнц и искаженную реальность, он снова решил с ним поговорить. Наверное, Господу частенько приходилось выслушивать пьяные ночные откровения: «Твою ж мать! Боже, помоги мне. Я влип по самые уши, все летит к чертям собачьим. Прости, что выругался... Черт, вот опять!»

Странно, но ему до сих пор не приходило в голову помолиться о спасении собственной жизни, хотя смертельный приговор врачей должен был этому поспособствовать. Но вместо церкви Эллис пошел в бар к Уоррену. Решил, что Бог и так в курсе последних событий. Паршивая у него работенка – каждый день получать слезливые жалобы от человечества. И все, как один, не хотят умирать или молятся за жизни любимых людей, как будто не знают правил игры...

Сама мысль о таком нытье была Эллису омерзительна, но страх победил гордость. Его охватил ужас. Все, что у него осталось, – вера в Бога! И в первый раз за много лет он начал

молиться...

Сначала вернулся звук. Гудение, которое постепенно переросло в пронзительный, режущий уши звон. Эллис намертво вцепился в велюровую обивку, втянул воздух сквозь зубы и крепко зажмурился. Наконец раздался оглушительный грохот, словно раскат грома. Последний рывок.

Потом – тишина.

Тряска тоже прекратилась. Эллис сидел в усталом оцепенении – точно такое же чувство он испытывал, проведя много часов за рулем. Непонятно было, чего ожидать: апокалипсический пейзаж и руины, мегаполис с заоблачными башнями, яркими огнями и летающими автомобилями или жемчужные врата со святым Петром, который пожмет ему руку и скажет назидательно: «Да уж, сынок... рановато ты к нам пожаловал». Но вместо этого Эллис увидел совершенно иную картину. И удивился, хотя тут не было ничего удивительного.

Его по-прежнему окружали ящики для бутылок.

Впрочем, если бы их не оказалось на месте, он был бы трупом. Выглядели ящики немного странно и размыто, как стены гаража перед последней ослепительной вспышкой. На мгновение Эллис решил, будто время все еще продолжает искажаться, но тут же понял, что это просто расплавилась пластмасса. Ящики намертво слиплись друг с другом, осели и накренились. От них шел дымок. Пахло, как на уроке химии во время лабораторной. Но за пределами пластиковых

стен все изменилось. Гараж исчез. Эллис очутился на улице. Легкий ветер быстро разогнал дым, вокруг раздавался тихий шорох листвы.

Путешествие закончилось. Он добился своего, хотя еще не знал, куда его забросила судьба. Эллис отстегнул ремень и толкнул ящики. Они слиплись в сплошную стену, пришлось пнуть их посильнее. Выбравшись наружу, Эллис сразу почувствовал, что во фланелевой рубашке, джинсах и свитере здесь будет жарковато.

Эллису не доводилось бывать в вековом лесу, только в молодых березовых и кленовых рощицах. В школе им рассказывали, что все леса в Мичигане – да и не только там – вырубали еще в девятнадцатом веке. Древесина считалась ценным товаром наравне с кукурузой и домашним скотом, поэтому мало кто в Америке видел лес за пределами национальных парков.

Однажды отец взял его с собой в поход. Они разбили лагерь к северу от Грейлинга, и вот там-то Эллис повидал настоящий лес: бесконечные ряды сосен, торжественно возвышавшихся над папоротниковыми зарослями. Эллису казалось, что этим деревьям, будто сошедшим со страниц детской сказки, нет ни конца, ни края, и он боялся среди них заблудиться. А ведь сосны были не так уж высоки и росли аккуратными рядами.

Леса северного Мичигана оказались жалкой порослью в сравнении с теми исполинами, которые окружали его теперь.

Глядя на могучие стволы, которые устремлялись ввысь и скрывались в темной густой листве, как небоскребы в облаках, Эллис чувствовал себя ничтожной букашкой. Гиганты задумчиво восседали на узловатых извилистых корнях – и каждый корень был размером с «фольксваген». Между деревьями оставалось много свободного места, а жидкий подлесок состоял, в основном, из мха и папоротников. Эллис со своей машиной времени материализовался на свободном пятачке. Двадцать футов влево – и тогда он бы воссоединился с природой в самом что ни на есть прямом смысле. Предполагалось, что алгоритм перемещения отрегулирует целевые координаты, чтобы избежать физических препятствий, но система GPS легко могла дать сбой: однажды автомобильный навигатор привел Эллиса к озеру вместо заправочной станции. В любом случае, будь то верные расчеты или обыкновенное везение, результат не мог не радовать.

В воздухе висел влажный туман, бледный свет луны не мог пробиться сквозь густые клубы и охватывал их мягким мерцанием. Землю покрывал мох, укутывая валуны и упавшие деревья бархатным одеялом. Лианы свешивались с ветвей, палая листва заполняла расселины, плющ карабкался по стволам. Вдалеке, перебивая стрекот сверчков, раздавались крики и писк каких-то неизвестных Эллису птиц.

«Как Люк Скайуокер на Дагобе», – подумал он.

Некоторое время Эллис просто всматривался в туман и дышал густой влагой. «Что произошло? В чем я напортачил?

Неужели вернулся в прошлое, к динозаврам?» Окружавший Эллиса пейзаж напоминал диорамы в музее естественной истории; там часто изображали нападение тираннозавра на травоядного трицератопса. Влажно и жарко, как в тропическом лесу – или в июльском Детройте.

«Мне вообще удалось переместиться?»

В расчеты могла закрасться ошибка. Теоретически Эллис мог оказаться где угодно, даже на другой планете, но вероятность такого исхода была невелика. И раз уж он не очутился посреди бескрайней космической пустоты, значит, эксперимент прошел успешно. Как говорится, приземление считается удачным, если ты ушел с места посадки на своих двоих.

Если Эллис материализовался на том же месте, где раньше стоял гараж, тогда возникал другой вопрос: сколько времени прошло? Гофман писал, что назад перемещаться нельзя. То есть это будущее – но насколько далекое? Неужели за двести лет весь Детройт порос лесом?

Эллис прислонился к стене из ящиков; пластик еще не остыл. В голову пришла старая песня Загера и Эванса: «Ох, не знаю, а будет ли жив человек в 9595 году?» Возможно, случилась какая-то ужасная катастрофа, и он остался один, совсем один – последний человек на планете...

Эллис нервно рассмеялся от абсурдности происходящего. Потом закашлялся.

Шуметь в незнакомом месте не хотелось – вдруг привлечешь внимание местных обитателей? Но Эллис не смог сдер-

жаться и зашелся в долгом приступе кашля.

Рядом что-то зашевелилось. Он напрягся. Громкий треск и шорох ветвей, глухой удар о землю, снова треск. Эллис задержал дыхание. Звуки отдалялись, затихая. Раздался слабый шорох, а потом, сколько Эллис ни вслушивался, больше не удавалось ничего различить. Наверное, какой-нибудь зверь.

Горло саднило от кашля, и он сплюнул, почувствовав привкус крови.

«Что же мне делать?»

Будь у него возможность, Эллис бы отправился назад. От будущего он ожидал совсем другого. Предполагалось, что там должны появиться новые технологии. Летающие автомобили, движущиеся тротуары, реактивные ранцы и полеты к лунам Сатурна. Он надеялся именно на такой поворот событий, хотя и не исключал того, что машина времени приземлится посреди пост-апокалипсического хаоса, где носятся банды кровожадных байкеров с ирокезами. Тоже не самая лучшая перспектива, но, по крайней мере, вполне предсказуемая.

– Успокойся, – пробормотал он себе под нос. Звук собственного голоса слегка разогнал панику.

«Еще ничего непонятно. Нельзя судить обо всей планете по одному месту».

Эллис подождал несколько минут, прислушиваясь: только стрекот сверчков и далекие птичьи вскрики. Надо отправ-

ляться в путь. Он ведь захватил с собой все необходимое, просто представлял это путешествие немного иначе. Думал, что будет шагать вдоль суперскоростного шоссе, уворачиваясь от летящих по воздуху машин, а не прорубать дорогу в первозданных джунглях, как Индиана Джонс.

Он снова подошел к машине времени, чтобы отстегнуть крепления с переносного холодильника и прочих походных принадлежностей. Эллис захватил с собой два рюкзака, но сейчас выбрал тот, который был поменьше размером – вроде школьного. Спальный мешок и палатку трогать не стал, пусть остаются здесь, в лагере. Он собирался путешествовать налегке.

В нагрудный карман положил маленький блокнот с ручкой, а компас – в карман брюк. В рюкзак бросил пригоршню энергетических батончиков, две банки мясных консервов, спички и новенький дождевик в пластиковой упаковке. Сверху сложил несколько пачек ореховых «M&M's», фильтр для воды, пальто и аптечку. Подумал, не взять ли с собой счетчик Гейгера, купленный в интернет-магазине, но потом решил, что не стоит – при высоком уровне радиации не бывает такой буйной растительности. Вместо счетчика Эллис захватил солнцезащитный крем и аспирин. Повесил на шею флягу, убрал за пояс охотничий нож и достал оружие.

У него был с собой пистолет. В магазине Эллис узнал, что пистолет – это вовсе не второе название для револьвера. Различия были настолько очевидными, что он почувство-

вал себя идиотом. Пистолет М1911, как пояснил лысеющий продавец за прилавком, был классической полуавтоматической моделью со спусковым механизмом одинарного действия, разработанной Джоном Браунингом. Продавец соловьем разливался об истории пистолета, его весе и надежности. Но Эллиса подкупило другое: никелированная модель сорок пятого калибра точь-в-точь походила на то оружие, из которого в кино стреляли шпионы и военные. Вставят магазин и палят без перезарядки, хотя ни в один пистолет не может поместиться столько патронов. Эллис стрелял пару раз в тренировочном зале, где ему выдали очки и огромные защитные наушники. Оказалось, что это совсем не так уж страшно, а вполне весело. Он купил поясную кобуру, в которую и вложил пистолет, дважды перепроверив предохранитель. Не хотелось отстрелить себе ногу – до службы спасения здесь не дозвонишься.

Повесив пистолет на пояс, Эллис сразу почувствовал себя увереннее. Превратился из букашки в человека.

Он стянул свитер и надел на плечи рюкзак, примеряясь к весу. Что ж, неплохо – хотя после нескольких часов ходьбы он наверняка начнет думать иначе. Эллис не знал, куда лучше направиться. Вверх или вниз по склону? С высокой точки должен открыться неплохой обзор, но в темноте он вряд ли что-нибудь разглядит в лесной чаще. А если учесть, что его физическая подготовка сильно недотягивает до уровня олимпийского легкоатлета, то лучше все-таки спустить-

ся вниз. Включив фонарик, Эллис огляделся по сторонам, но толку от этого было мало. Одинокий луч фонаря вяз в тумане и превращал весь окружающий мир в сцену из какого-то ужастика – лучше уж выключить, чтобы сэкономить батарейки. Эллис посмотрел на компас и сделал пометку в блокноте, а потом отправился в путь. Каждые пять метров он оставлял зарубки на коре, помечая дорогу.

В глубине маленькой долины рос точно такой же лес, разве что листьев и мха было побольше. Но через некоторое время Эллис услышал плеск воды, а потом увидел ручей. Хороший знак, решил он. Первопроходцы всегда старались держаться поближе к рекам. Он снова взглянул на компас, пометил направление в блокноте и зашагал вниз по течению.

Ручей вывел его к поляне, где густые кроны деревьев наконец расступались, открывая небо и звезды. Даже в тумане Эллис мог разглядеть поразительно яркие огни и бледную дымку Млечного Пути. Раньше он видел такое только в планетарии и теперь стоял, завороченно уставившись на небо. У него на глазах пролетела падающая звезда. Едва заметная искорка, но у Эллиса на губах все равно расплылась улыбка.

«Остался один посреди мертвого мира, но от звездочки все равно радостно».

Мысль принесла Эллису неожиданное облегчение. Всю жизнь он прожил в маленьком городке, как бедолага Джордж Бейли из фильма «Эта прекрасная жизнь», не переставая мечтать о приключениях. И вот теперь очутился там, где еще

не ступала нога человека. И пусть скоро все закончится – он умрет от голода, от какого-нибудь лесного паразита или, в конце концов, от своей болезни. Это не имело значения. Несмотря ни на что, он чувствовал себя замечательно – лучше, чем за всю свою жизнь.

Эллису удалось добиться невозможного, ему удалось совершить чудо: он был жив и совершенно, безгранично свободен!

* * *

Рассвет застал Эллиса врасплох. Вот ведь странно! Любая ночь имеет свойство заканчиваться, а он все равно этого не ожидал. Успел вообразить, что находится в каком-то ином далеком мире, где действуют другие законы, и попросту забыл о солнце. Когда оно наконец поднялось над горизонтом, Эллис застыл на месте, широко улыбаясь. Деревья казались ему непривычными, мшистая земля – чужеродной, но солнце было старым добрым приятелем и ничем не отличалось от того светила, которое он видел в последний раз.

Эллис вышел к широкой поляне, там в реку впадал еще один приток. Мир, напоминавший мрачные сказки братьев Гримм, с первыми лучами рассвета превратился в акварельную иллюстрацию к «Винни Пуху». Туман, не дававший Эллису покоя, спрятался в низинах, и солнце окутало пасторальный пейзаж безмятежностью. На зеленой траве, усы-

панной желтыми цветами, поблескивала роса, а сверху распахнулось голубое небо, по которому сновали стайки птиц, быстро заглушившие ночных сверчков.

Отыскав упавшее дерево, Эллис присел посмотреть на это представление. Понял, что проголодался, и вскрыл пакет «M&M's» с арахисом. Покрытые глазурью конфеты были его любимым лакомством – и единственной роскошью, которую он позволял себе в голодные студенческие годы, когда приходилось растягивать каждый доллар.

Чуть ниже по склону, вдоль берега реки, еще лежал туман. Из него вынырнули три оленя. Через некоторое время мимо неторопливо пробежала лисица, а в зарослях вереска у самой кромки леса мелькнул еще какой-то зверек, которого Эллис не успел как следует разглядеть. Но, несмотря на птиц, оленей и шмелей, вокруг стояла удивительная тишина. В надежных стенах родного дома, даже глубокой ночью, Эллис всегда слышал какие-то посторонние звуки: шум грузовиков, гудки, сирены. На его памяти тише всего было в том самом лесу возле Грейлинга – пугающее безмолвие серых теней, которое иногда можно ощутить в сосновом бору, где земля густо усыпана коричневатыми иглами. И все равно, даже тогда он знал, что находится где-то недалеко от шоссе. Поблизости всегда можно было отыскать асфальтовую двухполоску, на которой рано или поздно показалась бы какая-нибудь машина. Но теперь, грызя «M&M's», Эллис разглядывал пологий склон, простиравшийся на несколько

десятков миль вперед. И на всем этом открытом просторе не мог найти ни следа человеческого присутствия. Кажется, он остался единственным хозяином планеты.

Отхлебнув воды из фляги, Эллис испытал сиюминутный прилив гордости: единоличный победитель, и весь мир по умолчанию принадлежит ему! Александр Великий, Наполеон, Гитлер и целая вереница разнообразных императоров всю жизнь добивались именно этого, а Эллису даже усилий прикладывать не пришлось.

– Я король вселенной, мама! – произнес он.

Но никто его не услышал. Невидимая победа...

На смену самоуверенности пришли мысли о том, что он – всего лишь очередная зверюшка в гонке на выживание. Эх, если бы не возраст, если б не эта болезнь, если б не одиночество... Эллис никогда не сталкивался с такой трудной задачей. Да и немногие сталкивались с чем-то подобным. Возможно, ему даже понравится – хотя бы поначалу.

Зима обещала быть кошмарной. Придется соорудить хижину и ютиться в ней долгие месяцы, дрожа от холода; а из съестного – только орехи и кора, как у поселенцев в потерянной колонии на острове Роанок. Эллис порадовался, что захватил с собой фланелевую рубашку и свитер. Но поселенцы в колониях умели выживать. «Получится ли у меня построить хижину в одиночку?» – подумал он, а потом посмотрел на исполинские стволы и понял, что от стального топорика не будет никакого прока. Эллис понятия не имел, какой ме-

сяц стоял на дворе. Лето, сомнений нет – но июнь, июль или август? Сколько еще осталось? Лучше сразу отыскать естественное укрытие вроде пещеры, иначе придется строить навес из веток, чтобы прикрыть палатку. Пожалуй, это ему по силам. А еще надо позаботиться о пропитании.

Вокруг бродили разнообразные животные, и ему наверняка удастся кого-нибудь подстрелить, но запас патронов совсем небольшой. Нужно искать долговременное решение. Если смастерить копье, можно наловить рыбы. С сетью было бы проще, однако про нее Эллис совершенно забыл. Может, попробовать сплести ручную? Он чувствовал себя домашним псом, внезапно выпущенным на волю...

Эллис разглядывал долину. Красота. Пологие живописные холмы, река, в которую впадал широкий ручей... Внезапно он прищурился. Сквозь туман проступали какие-то смутные очертания. Резкие прямые углы выбивались из общего пейзажа – в природе такое встречается редко. Присмотревшись, Эллис заметил и другие прямоугольные силуэты. Дома... Среди деревьев виднелись крыши!

Там, внизу, притаилась маленькая деревенька. Сердце ускорило ход – может быть, он все-таки не один? Снова глотнув воды, Эллис забросил рюкзак на спину. Мышцы ныли, голова слегка кружилась – возраст и болезнь, чтоб им провалиться. Он постоял, выбирая дорогу. Если просто шагать вдоль берега, можно выйти к самой деревне. Надо только добраться до того места, где ручей впадает в реку.

Эллис зашагал навстречу новой цели. С небес дружелюбно улыбалось солнце, а из-под ног выскочила парочка кроликов и припустила через поляну. Он успел пройти довольно приличное расстояние и спуститься по склону, как вдруг его осенило – Эллис понял, где находится. Если произошло только перемещение во времени, а не в пространстве, то сейчас он шагает на юг вдоль реки Руж, от самого верховья. Ближе к середине в Руж впадала другая река – значит, сейчас он где-то рядом с Дирборном...

Эллис склонился над водой, глядя на искрящуюся солнечную рябь. Сквозь нее, словно через стекло, было видно, как над песчаным дном, кое-где покрытым мелкой галькой, сновали стайки крупных окуней и судаков.

Когда деревня снова показалась на глаза, солнце было уже высоко. Эллис решил, что до нее оставалось не больше мили: он уже мог разглядеть кирпичную стену, окружавшую дома. Он ожидал увидеть футуристические строения из пластика, стекла и стали, огромные жилые купола – но снова разочаровался. Перед ним стояли старомодные двухэтажные здания колониальной эпохи. Не просто старомодные, а по-настоящему старые, будто со съемочной площадки какого-то исторического фильма. Выбравшись из низины, Эллис заметил возвышавшуюся над деревьями часовую башню. Она выглядела точь-в-точь как башня Индепенденс-холла в Филадельфии. Но Эллис находился не в Филадельфии, а в Мичигане. И точно знал, что в Дирборне расположен музей Генри Фор-

да.

В последний раз Эллис побывал там со школьной экскурсией в шестом классе. На крупнейший музейный комплекс США у них было всего несколько часов. В памяти осталось немного: мастерская братьев Райт, исследовательская лаборатория Томаса Эдисона в Менло-парке, да еще то, что Энтони Данлап потерял его любимую игрушечную машинку и предложил на замену какую-то грошовую модель. Эллис отчетливо помнил автостоянку с подъездной дорогой, но их нигде не было. Он плохо знал местность, однако не сомневался, что Мичиган-авеню должна находиться где-то поблизости. Странные дела! Крупная шестиполосная магистраль исчезла без следа, а деревянные дома Гринфилд-Виллидж, построенные в самом начале девятнадцатого века, стояли целехоньки... И все-таки Эллис обрадовался. По крайней мере, свои последние дни он проведет не под открытым небом.

Кирпичная стена, опоясывавшая музей, выглядела внушительно, и Эллис отправился искать ворота. Было жарко, но взмокнуть он не успел. Ноги гудели от усталости, рюкзак оттягивал плечи, голова раскалывалась. Голод его совсем не тревожил. Обычно Эллис ел очень мало – правда, и маршбросков на пять миль никогда не устраивал. Перемещение во времени сбilo биологические часы, и теперь Эллиса мучительно клонило в сон. Если музей окажется заброшенным, можно будет отыскать уютный домик, снять наконец рюкзак и слегка вздремнуть...

Он по-прежнему шагал вдоль стены, как вдруг – впервые после прощания с Уорреном – услышал человеческие голоса.

Глава четвертая. Убивая время

Голоса доносились с территории музея, но стена была слишком высокая – не перелезешь и не заглянешь на другую сторону. Эллис остановился, прислушался. И с радостью обнаружил, что говорили по-английски. Акцент был весьма странный, но слова звучали четко и на удивление понятно. Хотя прошло всего двести лет, Эллис думал, что разница окажется гораздо сильнее. В конце концов, на смену английскому запросто мог прийти испанский или даже китайский.

– ...если говорить прямо.

– Мне все равно.

– Тогда зачем мы здесь? Чего ты от меня хочешь?

– Хочу показать тебе будущее.

Голоса были похожи друг на друга, словно какой-то чужак разговаривал сам с собой. Для женщин они казались слишком низкими, для мужчин – слишком высокими.

– Вранье. Все дело в проекте «Рой».

– С чего бы это?

– Я все знаю. Знаю, что ты выдаешь себя за другого человека.

Смешок.

– Тогда почему ты здесь?

– Хочу понять, зачем... зачем вам я?

– Ничего ты не знаешь. Иначе бы тебя здесь не было.

– К чему ты клонишь? – У второго голоса поубавилось уверенности.

– Я хочу заручиться твоей поддержкой.

– Ты ее не получишь.

– Точно?

– Абсолютно.

Пауза, а потом...

– Что ты делаешь?

Вопрос прозвучал испуганно, и Эллис почувствовал, как волосы у него встают дыбом.

– Это – тоже часть будущего.

Раздался чудовищный крик. Эллис никогда не слышал ничего подобного. Пронзительные, отчаянные вопли перемешались с мольбой о пощаде. Но пощады не было. До Эллиса доносились звуки борьбы, кряхтение, потом – глухой удар.

Героем он не был. Всю жизни старался не лезть в передраги. Разве что никогда не мог проехать мимо человека, стоявшего перед сломавшейся машиной. Пегги часто говорила, что ему непременно попадетс какой-нибудь маньяк, но Эллис ничего не мог с собой поделать.

Услышав за стеной крики, он сначала потянулся к телефону, чтобы позвонить в службу спасения, но спустя мгновение осознал бессмысленность этого жеста. Сам того не замечая, Эллис перешел на бег – возможно, ему придавал уверенности пистолет, висевший на поясе, или подстегивали леденящие душу вопли.

Когда он отыскал вход, крики уже прекратились.

Ворота никто не охранял. Эллис обогнул огромный дуб и пробежал мимо уютной фермы, окруженной бревенчатой изгородью, со старомодной повозкой перед крыльцом. В груди хрипело так сильно, будто легкие наполнились битым стеклом. Он сбавил шаг. Долгие блуждания по ночному лесу, жара – а теперь еще и внезапная пробежка. Хотелось упасть, но Эллис упрямо шагал вперед. Вывернув из-за фермы, он снова увидел наружную стену парка. Перед ней было заметно какое-то движение. Боролись двое. Один уже лежал на земле.

Эллис ожидал увидеть нечто совершенно иное. Голоса были молодыми и звонкими. Сразу представлялись подростки в кожаных куртках – цепи, ирокезы, пирсинг в носу, татуировки и штаны, свисавшие до самых колен. Образ из другой эпохи, но Эллис и вообразить не мог, что ждало его на самом деле.

Оба человека были голыми.

Ни клочка одежды. Лысые макушки, совершенно безволосые тела. В другой обстановке Эллис бы точно этому удивился, но в тот момент ему в глаза бросились только пятна крови. На их фоне все остальное теряло значение. Крови было много – брызги, потеки, тонкие ручейки. Незнакомцы перемазались в ней с головы до ног. Один, слегка подергиваясь, лежал на земле, а второй нависал сверху и усердно орудовал ножом, превращая плечо жертвы в бесформенное ме-

сиво. Через некоторое время убийца выпрямился с довольной ухмылкой.

И встретился взглядом с Эллисом.

Истерзанные легкие не желали работать. Тяжело дыша, Эллис положил ладонь на рукоятку пистолета, но не стал вытаскивать его из кобуры. Пару мгновений они с незнакомцем просто смотрели друг на друга. Эллис по-прежнему не мог определить его пол. Гениталий не было, вторичных половых признаков тоже – грудь гладкая, никаких характерных изгибов. Тонкая, гибкая фигурка казалась совершенно андрогинной, как у мальчишки-подростка или супермодели 70-х годов, но по лицу стекала густая кровь. Они глядели друг на друга с одинаковым изумлением. Не проронив ни слова, убийца подхватил с земли какую-то мелкую шутовину. Эллис заметил, что у него на руке было всего три пальца. На ум сразу пришли фильмы про пришельцев: в кино у инопланетян всегда были трехпалые кисти – но потом он разглядел обрубки на месте безымянного и мизинца. За спиной незнакомца полыхнула яркая вспышка, словно от фотоаппарата, и Эллис невольно моргнул. Потом в пространстве образовалась дыра. Убийца шагнул в нее и исчез с громким хлопком.

Несколько мгновений Эллис изумленно смотрел перед собой, пытаясь понять, что случилось. Краем глаза он уловил движение. Человек, распростершийся на траве, все еще дергался. Туловище было покрыто глубокими ранами, а на плече недоставало огромного куска плоти. И Эллис опять не мог

понять, мужчина это или женщина – будто перед ним лежала бесполоая кукла. К его огромному удивлению, убийца и жертва походили друг на друга, словно два близнеца, только черты последнего застыли в гримасе боли.

Эллис рухнул на колени рядом с телом и попытался нащупать пульс. Его не было. Грудь оставалась неподвижной, и в тишине раздавалось только натужное дыхание самого Эллиса. Кислорода не хватало, но глубоко дышать он не мог. Каждый вдох грозил перерасти в затяжной кашель. Мир расплывался, в глазах начало темнеть. Эллис уперся ладонями в землю и опустил голову между колен, старательно не обращая внимания на кровь и мертвеца, лежащего рядом. Сосредоточился на дыхании.

«Расслабься, черт тебя подери!»

Вдох, выдох. Казалось, он только что надул пару воздушных шаров и теперь не может справиться с головокружением. Эллис крепко зажмурился и вдруг понял, что его слегка потряхивает. Тело сводило судорогой, мозг требовал кислорода. Наверное, ему пришел конец. Легкие не выдержали. Как же не вовремя...

* * *

- Отойдите! Отойдите все.
- Это дарвин. Точно дарвин!
- Кто-нибудь видел, что случилось?

– Нет. Мы обнаружили их и позвали на помощь. Но не видели нападения. Они так и лежали, когда мы их нашли.

– Вы из одной группы?

– Штормовой университет. Я веду курс по истории древнего мира. У нас была экскурсия.

– Ясно. Тогда будьте добры, займитесь своими делами. И не заходите в эту часть парка.

– Это и вправду дарвин?

– Мы еще не знаем, что произошло. Пожалуйста, не мешайте.

Эллис открыл глаза и увидел над собой голубое небо, покрытое пушистыми белыми облаками. Солнце уже клонилось к западу, деревья и фермерский домик начали отбрасывать длинные тени. Спазм в груди прошел, и он снова мог спокойно дышать. Тело ныло от боли.

– Пакс, у него глаза открылись!

– Так, пожалуйста, успокойтесь! – Говоривший стоял ближе всех, но даже до него оставался добрый десяток метров.

Около старой фермы собралась дюжина человек. Двое находились чуть ближе к Эллису, остальные держались поодаль. Похожи друг на друга, как один. Мягкий овал лица с большими темными глазами, короткие носы и смуглая кожа – будто какая-то парочка с Ближнего Востока наплодила целый выводок близнецов в лучших традициях ирландских семейств.

Одеды они были весьма странно; некоторые вообще раз-

гуливали гольшом. Кто-то ограничился шляпой – или шарфом, или пальто. Один с ног до головы нарядился в ярко-желтое. Другой выбрал костюм в красно-белую полоску – полосатыми были даже туфли; этот человек изрядно напоминал Эллису персонажа из мультика. Головы лысые, без единого волоска, как у бесполок пластиковых манекенов. Казалось, они все сошли с одного конвейера.

Эллис задумался: а вдруг ему снится сон, как в «Волшебнике страны Оз»? Лысые чудаки на вид смутно напоминали женщину-врача, которая сообщила ему о смертельной болезни. Может, и не было никакого путешествия во времени. Он скоро очнется, а рядом будут стоять Уоррен, Пегги и доктор. А Эллис скажет им: «Я видел сон. И ты, и ты, вы все там были».

– Надо позвать на помощь, – объявил один из тех, кто стоял поближе. На плече у этого странного создания болтался портфель, в глазах читался испуг, а кожу украшали татуировки.

Говорили они все с одинаковым акцентом.

– Подожди минутку, ладно? – ответил второй.

Что ж, по крайней мере, он... она... это существо было полностью одето. Костюм в духе Шерлока Холмса: длинный черный сюртук, серебристый жилет, белые брюки, рубашка с воротничком-стойкой, серый галстук и котелок. Может, Эллис нечаянно очутился на чьей-то свадьбе или перенесся в прошлое? Или Гофман допустил ошибку в своей теории?

– Пакс! Не подходи близко. Если это дарвин, можно ждать чего угодно. Одного эта тварь уже убила.

В памяти Эллиса что-то шевельнулось. Он бросил короткий взгляд на окровавленный труп, лежавший рядом, и воспоминания обрушились на него с новой силой. «Господи, да я разлегся около мертвеца!» Он поспешно приподнялся и отполз в сторону. Голова шла кругом, хотя Эллис еще даже не попытался встать на ноги. Мир раскачивался перед глазами, как будто он был в стельку пьян.

Рядом прошелестел дружный испуганный вздох, и раздались мягкие шаги, будто стая кошек разбежалась в разные стороны.

– Пакс, бури на тебя нет! Не лезь, это опасно.

– Я никого не убивал! – крикнул Эллис.

Все застыли на месте.

– Вы умеете говорить! – удивился Пакс. – И знаете наш язык.

– Нет, это вы говорите на моем языке.

Они разглядывали друг друга с глубоким изумлением.

– Кто вы? – спросил Пакс.

Эллис утер глаза ладонью. Все разом отпрянули еще дальше, за исключением Пакса, который даже не вздрогнул.

– Меня зовут Эллис Роджерс.

– Да, но кто вы?

– Я мужчина... человек. А вы кто?

Все вокруг начали перешептываться, но смельчак в шляпе

так и не отвел от Эллиса взгляда.

— Человек... — рассеянно отмахнулся Пакс и переключился на более важные вопросы: — Но мы с вами совсем не похожи. Вы дарвин?

— Я не понимаю, что это значит...

Головокружение не проходило. Эллис взмок, к горлу подкатывала легкая тошнота.

Пакс оглянулся на остальных, и в его глазах мелькнуло смущение.

— Есть такая легенда. Ходят слухи, что на поверхности живут естественнорожденные. Всякие глупости о людях, которые не захотели спускаться в Полый мир, остались наверху и умудрились выжить. Вы ведь не такой?

— Нет.

— Значит, вы старого образца?

Эллис покачал головой.

— Я не понимаю, о чем вы.

На лице Пакса мелькнуло удивление, он — или она? — сделал три шага вперед.

— Пакс! — крикнул один из стоявших поодаль.

Тот замер, не скрывая раздражения.

— Вы сказали, что не убивали этого человека. Объясните, что произошло.

— Я слышал разговор... пожалуй, даже ссору. Спорили двое. Потом кто-то закричал. Я стоял за стеной, пришлось бежать. Смотрю: один лежит на земле, второй сидит свер-

ху... – Эллис отвел глаза и указал на тело. Ему не хотелось снова смотреть на труп и раздумывать, отчего промокли брюки: от крови бездыханного соседа или от его собственной мочи. Непонятно, какой из вариантов предпочтительнее. – Потом тот, кто сидел сверху, вскочил и...

– И что?

– Не знаю. Взял и просто исчез.

– Исчез?

Эллис пожал плечами.

– Прошел сквозь сияющую дыру в воздухе. Звучит нелепо, но...

– То есть убийца воспользовался порталом.

Эллис ничего не знал про порталы, но Пакс говорил так уверенно, что оставалось только кивнуть в ответ.

– Ты ведь не веришь этой твари? – спросил человек с татуировкой. В голосе сквозили настороженность и отвращение.

– Ча, Эллис Роджерс не лжет, – ответил Пакс.

Даже Эллис подивился такой непоколебимой уверенности. После всех этих небылиц он бы и сам себе не поверил.

– Это дарвин! Ты же знаешь, что про них говорят. Им нельзя доверять, они каннибалы!

Пакс посмотрел на своего приятеля с искренним возмущением.

– Эллис Роджерс говорит правду.

– Точно?

Пакс ограничился одним выразительным взглядом: «Ну

сколько можно?» Ча нахмурился в ответ.

– Вы коп? – уточнил Эллис. – То есть полицейский? – Глаза, смотревшие на него из-под шляпы, напряженно прищурились, будто Эллис был книгой и Пакс не мог разобрать мелкий шрифт. – Хранитель порядка? Служитель закона? Миротворец?

Услышав слово «миротворец», Пакс облегченно улыбнулся и кивнул:

– Можно сказать и так. Меня зовут Пакс. Я посредник. А это Ча, наш врач. Ча нужно осмотреть человека, который лежит рядом с вами. Вы не возражаете?

– Нет, конечно.

Ча не пошевелился.

– Скажи этой твари, чтобы она отодвинулась.

– Эллис Роджерс прекрасно тебя слышит, Ча. Переводчик не требуется.

– Ничего страшного. – Эллис поднялся на ноги, борясь с головокружением.

– Эллис Роджерс, вы ранены? – спросил Пакс.

– У меня больные легкие. От пробежки стало плохо, я потерял сознание.

– Вам уже лучше?

– Да, только голова кружится.

Эллис отошел от мертвого тела и прислонился к стене. Надежная кирпичная опора слегка холодила спину. Тем временем Ча опустился на колени около трупа и открыл портфель.

Остальные шепотом переговаривались между собой.

– Откуда вы родом, Эллис Роджерс? – Пакс подошел поближе, заработав встревоженный взгляд со стороны Ча.

Шляпа-котелок напоминала Эллису о персонаже из «Заводного апельсина», Алексе Делардже, но Пакс ни капли не походил на злодея – слишком славная мордашка. Было в нем что-то от Чарли Чаплина и маленького бродяги, только без нарисованных усов.

Эллис не знал, как отвечать. Сказать, что он из другого поселения? А если других поселений здесь попросту нет? Убедительно соврать не получится, он ничего не знает об этом мире. Да и пытаться обмануть представителя закона – не лучший способ начать новую жизнь, пусть и совсем короткую.

– Я из города Детройта. – Он выдержал паузу и добавил вполголоса: – Из 2014 года.

Эллис не представлял, чего ожидать в ответ. По совести говоря, после такого заявления его должны были отправить прямиком в психиатрическую лечебницу, но на дворе стояли новые времена. Возможен любой исход: его могут почитать как бога, а могут рассеянно кивнуть и переключиться на более важные дела, потому что путешествиями во времени тут никого не удивишь. Это бы объяснило разброд в одежде, а портал вполне мог оказаться машиной времени версии 2.0. Если за восемьдесят лет компьютеры, опутанные толстенными кабелями и занимающие целую комнату, превратились в

крошечные планшеты, то и машина времени могла стать гораздо компактнее. Без пластиковых коробок и автокресел.

Пару секунд Пакс озадаченно смотрел на Эллиса. Потом его глаза медленно округлились.

– Вы из прошлого... Из очень далекого прошлого.

Ча презрительно фыркнул.

– Где ваша машина времени?

– Осталась в лесу. Милях в пяти-шести к северу по берегу реки. Я шел довольно долго. Но смотреть там не на что.

– Ну да, конечно, – отозвался Ча. – Еще скажи, что она невидимая.

– Ча, перестань.

– Это полный абсурд!

Пакс нахмурился.

– Значит, путешествия во времени – редкость?

– Да, – ответил посредник.

– Это невозможно, – встрял Ча.

«Неужели я – единственный, кому это удалось? Почему никто не попытался повторить эксперимент?»

– Вы мне не верите.

Пакс внимательно на него посмотрел.

– Верю.

Коротко, громко, никаких колебаний и сарказма; этот решительный ответ пресекал все возможные возражения. Пакс, не пошевелившись, продолжал твердо смотреть Эллису в глаза.

«Если это вранье, то он чертовски хороший лжец», – подумал Эллис.

– Чип вырезали. – Ча поднял голову и посмотрел сначала на посредника, потом – с обвинением – на Эллиса.

– Эллис Роджерс этого не делал, – отрезал Пакс. – Эллис Роджерс не лжет. Смотри, на одежде нет ни капли крови! Убийца наверняка перепачкался с головы до ног.

Эллиса терзала неуверенность насчет самых разных вопросов. Он не понимал, кто его окружает: живые люди или роботы, собранные на каком-то чудном заводе. Не знал, в каком году он очутился и на какой ступеньке технического прогресса стоит это общество. Не понимал, что произошло с городом и миром. Может статься, вся затея с машиной времени была серьезной ошибкой. Однако Эллис точно знал, что Пакс ему нравится.

У этих странных созданий были одинаковые черты лица, словно нарисованные под копирку, и все же они отличались друг от друга. Ча настороженно хмурился, как и вся остальная толпа, – правда, Эллису не было до них никакого дела. А вот Пакс выглядел иначе: добрый взгляд, сочувственный наклон головы, губы чуть заметно изогнуты, еще совсем немного – и улыбнется. Правда, ему ощутимо не хватало волос, а отсутствие бровей навевало тревожные мысли. У Эллиса было не так много лысых знакомых, и теперь ему начинало казаться, что его забросило в онкологическую больницу. Но все же Пакс производил впечатление человека, кото-

рому можно доверять.

– Порт-колл не нашли? – спросил Пакс у Ча. – На нем должен быть идентификатор. Можно отследить перемещения.

– На теле ни одной татуировки. Индивидуализмом тут даже не пахнет. У бедолаги нет личных примет.

Пакс повернулся к Эллису:

– Вы знаете жертву?

Эллис покачал головой и тут же пожалел об этом. Мир закружился перед глазами.

– Я же сказал вам, я из...

– Да-да, я помню. Но, может, удалось расслышать имя?

– Нет. – Эллис напряг память. Чувствовал он себя отвратительно. – Они не называли друг друга по именам.

– И о чем шел разговор?

– Я слышал только обрывки. Что-то про будущее и проект «Рой». Больше ничего не помню.

– Вот видишь! – объявил Ча невыносимо надменным тоном. Поди пойми, что стоит за его словами. Казалось, врач продолжает какой-то старый спор, но Эллису сразу не понравились эти интонации. А еще ему не нравилась татуировка. Никогда их не любил. И зачем только люди превращают себя в ходячие граффити? Правда, Эллис был готов сделать исключение для военных эмблем, имен любимых женщин, библейских цитат и других знаков почета. Но на коже Ча были какие-то абстрактные завитушки, напоминавшие ацтекский узор.

– Я присяду, не возражаете? – Эллис не стал дожидаться ответа. Вдобавок к головокружению его одолевала тошнота, и он сполз вдоль стены на траву.

Пакс кивнул.

– Неужели совсем никаких примет, Ча?

– Извини, дружище.

– Ядрен бетон! Что, опять придется сообщить о неопознанном трупе?

– Ничего не поделаешь...

Пакс злился, но Ча только пожал плечами.

– А почему нельзя провести лабораторный анализ? – уточнил Эллис. – У вас же есть судебные эксперты?

Оба посмотрели на Эллиса с недоумением.

– Отпечатки пальцев, анализ ДНК... – Он чуть не сказал про образцы волос, но вовремя прикусил язык.

– Это не поможет, Эллис Роджерс, – ответил Пакс. – Результат будет одинаков для всех.

– Одинаковые ДНК и отпечатки пальцев? Но ведь... Ах, вот как!

Значит, дело не в роботах, а в генной инженерии. Именно поэтому они называли его дарвином. И, строго говоря, вполне заслуженно. Неужели здесь все люди появляются на свет из пробирки?

– Без чипа жертву не опознать, – сказал Ча.

– Не может быть! – воскликнул Эллис. – Вы отличаете друг друга только по чипу в плече? Но ведь наверняка есть

другие способы. А если чип сломается? Разве так не бывает?

– Что-то не припомню.

– В таком случае можно просто задать несколько вопросов, – объяснил Пакс. – Или сделать скан нервной системы. А с мертвецом это не сработает.

– И вам никогда не приходилось определять личность погибшего?

Клоны отрицательно покачали головами.

– Раньше такого не случалось.

– Ничего себе... – Эллис был поражен.

– Что теперь делать? – спросил Ча.

– По-твоему, я здесь главный специалист по трупам? – огрызнулся Пакс. Поглядел на мертвеца и страдальчески поморщился. Будто ему тоже было плохо, как Эллису.

– По крайней мере, один тебе уже попадался, – ответил Ча.

– Свяжись с ИСВ. Там наверняка захотят узнать подробности.

– Но вы же копы! Хотите сказать, что видите труп во второй раз в жизни? – воскликнул Эллис.

– Я – в первый, – поправил его Ча.

– Что такое «коп»? – сказал Пакс.

– Полицейский, который расследует убийства.

Пакс обрадованно вытаращил глаза и ткнул в Эллиса пальцем.

– Точно! Вы же из прошлого! Из далекого прошлого. Вы

все об этом знаете... и разбираетесь в убийствах?

– Нет, не особо. Какой из меня полицейский... Я машины проектировал – точнее, отдельные части. Разрабатывал альтернативное топливо. Раньше здесь был музей Генри Форда, и я...

– Здесь и сейчас музей, – вставил Пакс.

– Понятно. В общем, я работал на автомобильном заводе, пытался увеличить емкость аккумуляторов. До полицейского мне далеко.

– Но ведь в ваше время случались убийства?

– Я жил в Детройте. Случались, и частенько.

– И вы знаете, что убийц искали по ДНК и отпечаткам пальцев?

– Это все знают.

– Может, раньше так и было. А сейчас в этом никто не разбирается. – Пакс шагнул еще ближе и остановился на расстоянии вытянутой руки.

«Хорошие у него глаза, – подумал Эллис. – И взгляд невинный, как у ребенка».

– Здесь такого не бывает, – сказал Пакс.

– Убийств?

– Смерти.

Ничего не понимая, Эллис озадаченно смотрел перед собой. Пакс говорил про «далекое прошлое», но что он имел в виду? Какое прошлое можно считать далеким? А теперь он и вовсе утверждал, что смерти больше нет.

– О чем вы?

– Послушайте, – мягко начал Пакс, – я сожалею, что все так вышло. Вы испытали сильнейшее потрясение и до смерти устали. Вам плохо. Спору нет, вы первопроходец и великий ученый, которому удалось совершить немыслимое. Со всем как Чарльз Линдберг или Сеть Азо. Не волнуйтесь, о вас позаботятся – я лично за всем прослежу. Вы здесь, с нами, и это поразительно...

– Скорее уж, невозможно, – небрежно вставил Ча.

Но Пакс продолжал как ни в чем не бывало:

– В вашу честь нужно устроить парад и торжественный прием. Множество людей непременно захотят с вами познакомиться. Знаю, сейчас вас терзают вопросы, но, пожалуйста, поверьте: я не «коп». Я посредник. Моя работа – улаживать споры между людьми, устранять разногласия без лишних обид. А еще я помогаю тем, кто пережил сильную травму. И когда группа студентов наткнулась на изуродованный труп, меня позвали на помощь. Но я не знаю, что с этим делать. Дайте нам совет.

– Вы шутите?

– Нет. Вы единственный, кто сталкивался с этим раньше. Главный эксперт.

Эллис никогда не был главным экспертом. Ни в чем. Но ему было приятно, что Пакс так решил.

– Ох, чем тут можешь?.. Я ведь совсем ничего не знаю об этом мире. Да и в убийствах не разбираюсь – просто читал

детективы, смотрел кино.

Продолжая говорить, Эллис пододвинулся к телу – ползком, потому что встать не хватало сил. Ча шустро отпрянул в сторону, но уже без прежней паники.

Труп ничем не отличался от других клонов, которые все еще топтались неподалеку, стараясь получше его рассмотреть. В отличие от зевак мертвец был покрыт кровью и глубокими ранами. Бросив взгляд вниз, Эллис почувствовал мощный прилив дурноты. Голова раскалывалась от боли. Еще ни разу в жизни ему не приходилось видеть изувеченные тела. Все покойники, которые попадались Эллису раньше, были покрыты толстым слоем грима и аккуратно уложены в деревянные гробы, утопавшие в цветах. К счастью, труп выглядел не слишком тошнотворно – ни вывалившихся внутренностей, ни сломанных костей, да и кровь успела слегка подсохнуть. Эллис опасался, что будет гораздо хуже, но порезы, обезобразившие плечо, больше походили на работу хирурга. От этого зрелища не тянуло на рвоту, хотя тошнота по-прежнему не желала отступать. Эллис постарался сосредоточиться и вспомнить все, что ему удалось узнать из романов Патрисии Корнуэлл, Джонатана Келлермана и отдельных серий «Закона и порядка» и «CSI».

– Кажется, убийца не очень хорошо понимал, что делает.

– Это еще почему? – спросил Ча.

– Ну, если у вас все органы остались на нужных местах, то, согласно большинству детективов, проще было бы пе-

перезащитить жертве горло или ударить ножом под ребра, снизу вверх, до самого сердца. Или у основания черепа, например. Но вместо этого убийца тыкал лезвием куда попало. Видите раны на животе? Отверстия совсем маленькие. Сразу ясно, что он просто бил по мягкому и не проворачивал нож, чтобы разорвать рану. А жертва даже не сопротивлялась, только пыталась закрыться. Потому и порез на руке... А вон та лужа крови? Наверняка задета крупная артерия. И кишечник, скорее всего, пробит в нескольких местах. Бедняга скончался от ран, но далеко не сразу. Если бы не плечо, его бы, может, успели спасти.

– Звучит правдоподобно? – спросил Пакс у Ча.

Тот неохотно кивнул, и Эллис присудил «ацтекской татуировке» пару очков за честность.

– В общем, убийца явно не профессионал.

– В наши дни таких профессионалов не бывает, – заметил Ча. – Так что круг подозреваемых остался прежним.

– Может быть, вы еще что-нибудь заметили? – спросил Пакс.

Эллис поднялся на колени.

– У этого парня были проблемы со зрением. Очки носил.

– Что-что?

– Он... она... то есть... Ох, не знаешь, как и назвать. На этом человеке были очки. Видите вмятины на переносице и полукруглые следы под глазами?

Пакс и Ча обменялись озадаченными взглядами.

– Погодите минутку. – Эллис поставил перед собой рюкзак, выудил из бокового кармана очки и водрузил на нос. – Вот это очки. Если долго их не снимать, то на коже останется отпечаток.

– Я понимаю, о чем вы, Эллис Роджерс, – ответил Пакс, – но сейчас очки никто не носит.

Слегка осмелев, Ча шагнул поближе и присмотрелся к труп.

– Хм, и правда. На носу вмятины, и на лбу тоже видна полоска.

– Как от шляпы, – сказал Эллис и показал на Пакса. – Их-то носят по-прежнему.

На лице у того мелькнула улыбка, и Эллис улыбнулся в ответ.

– Так куда же делись шляпа и очки?

Рядом с телом их не оказалось.

– Убийца мог забрать их с собой... Хотя нет, у него в руках ничего не было. А, точно!

– Что? – тут же спросил Пакс.

– Только сейчас вспомнил! У убийцы не хватало двух пальцев. На правой руке, если не ошибаюсь.

– Получается, преступника интересует проект «Рой», у него нет двух пальцев, и убил он впервые. А на жертве были очки и шляпа.

Эллис пожал плечами.

– Говорил же, толку от меня маловато.

Тошнота усиливалась. Эллис решил, что его все-таки вырвет.

– Пять минут назад мы и этого не знали. Спасибо вам.

– Не за что. К слову, о времени и осведомленности, какой сейчас год?

– Ах да. – Пакс смутился. – Сейчас 4078-й.

– Четыре тысячи семьдесят восьмой? Но это же... больше двух тысяч лет. – Эллиса покачнуло, и Пакс ухватил его за плечи.

– Прошу прощения. Не ожидал, что для вас это будет шоком.

– Нет-нет... То есть да, шок, но... Что-то мне нехорошо. Надо прилечь. – Эллис растянулся на траве.

– Что с вами? – поинтересовался Ча.

– Болезнь легких, – ответил он, глядя в небо. – Идиопатический фиброз. В наши дни никто не знал, как его лечить. Смертельный случай.

Ча подошел еще ближе, чтобы внимательней его рассмотреть.

– Сейчас вам уже лучше?

– Как прилег, полегчало немного.

– Встаньте.

– Лучше не надо.

– Надо-надо, – не желал уступить Ча.

Эллис покосился на Пакса, и тот кивнул в ответ:

– Ча очень хороший врач.

С усилием Эллис поднялся на ноги и едва не упал обратно в траву. Мир кружился с удвоенной силой.

– Ладно, присядьте, – велел Ча. Подошел вплотную, больше не пытаясь сохранять безопасное расстояние, и коснулся шеи Эллиса. – Кожа сухая и горячая. Когда вы что-нибудь пили в последний раз?

– Рано утром, кажется. Пару глотков.

– И, говорите, прошагали пять или шесть миль через лес?

– Ага.

– А потом потеряли сознание прямо на солнце.

– Точно, – кивнул Эллис.

– Может, вы и вправду страдаете от фиброза, но сейчас дело не в нем. У вас солнечный удар и обезвоживание.

– Вот как?

– Поверьте, такое здесь часто случается. Когда люди выходят на поверхность, им невдомек, что с настоящим солнцем шутки плохи.

– С настоящим солнцем?

Не удостоив Эллиса ответом, Ча повернулся к Паксу.

– Дарвину нужна тень и прохлада. Надо восстановить баланс жидкостей и электролитов. – Он стянул флягу, висевшую на шее Эллиса, открутил крышку и принялся.

– Там обычная вода, – пояснил Эллис.

– Тогда пейте, – распорядился Ча.

– Меня тошнит.

– И неудивительно. А если не попьете, то скоро и дышать

станет трудно. Давайте-ка, по глотку, не торопясь.

Пакс поднялся и вытащил из кармана какую-то штуковину.

– Куда ты собираешься его отвести? – спросил Ча.

– Домой. А ты свяжись с ИСВ и подожди, пока они кого-нибудь пришлют.

– Ты ровным счетом ничего не знаешь об этом дарвине.

– Хочешь забрать Эллиса Роджерса к себе?

– Ну, уж нет. Делай, что хочешь.

Сверкнула вспышка, что-то загудело, и перед ними открылся портал, за которым виднелась комната с кроватью, подушками и одеялом.

– Подними-ка его, – скомандовал Ча, и они с Паксом взяли Эллиса под руки.

Мир вращался все быстрее и быстрее, в ушах звенело, и на полпути сквозь портал Роджерс опять провалился в темноту...

Глава пятая. Времена меняются

Эллис проснулся со страшным похмельем, хотя никакой гулянки накануне не было и в помине. Некоторое время он просто лежал в кровати, не желая вылезать наружу. После того как стремительный ураган зашвырнул его в страну Оз, Эллису хотелось немного побыть одному. Непонятно, где он очутился и что с ним произошло. Сколько он спал? Сколько времени прошло после разговора с врачом? С одной стороны, всего несколько часов. А с другой – две тысячи лет...

Две тысячи! Как такое могло случиться? В десять раз больше, чем рассчитывал Гофман! Или просто нолик где-нибудь потерялся? Эллис никак не мог поверить, что добился своего. Наверное, именно так чувствует себя олимпийский чемпион, с удивлением разглядывающий золотую медаль, или актер, получивший «Оскара», – речь-то у него заготовлена, а от шока все равно никуда не деться. В глубине души никто до последнего не верит в свою победу, и чудо не укладывается в голове. У Эллиса все получилось, он стал путешественником во времени... но Гофман сильно промахнулся в подсчетах.

Эллис хотел переместиться всего на пару сотен лет вперед, примерно как от основания США до начала двадцать первого века. Конечно, думал он, за это время мир успеет преобразиться, но самое главное останется неизменным. Од-

нако вместо двух сотен лет он разом одолел промежуток, отделявший эпоху Христа от эры Интернета. Как будто римлянин, привыкший к рабам, лошадям и ежедневным походам за водой, вдруг очутился в мире компьютеров и глюкозного сиропа. Повезло еще, что можно погрузиться в новую жизнь постепенно.

Кровать оказалась на редкость удобной, безо всяких пружин, как те высокотехнологичные матрасы, которые иногда показывали в рекламе. Постельное белье было мягким – куда мягче хлопка. С размышлений о подушках и наволочках Эллис быстро переключился на окружающую обстановку. Он видел много фильмов: «2001 год: Космическая одиссея», «Бегущий по лезвию», «Бегство Логана» и «Стар Трек», и потому твердо знал, что будущее бывает двух видов: суровое, холодное и стерильное – или ржавое, в потеках машинного масла и разводах грязи. Неизвестно, что творилось снаружи, но его спальня не подходила ни к одному из этих вариантов.

Интерьер комнаты больше напоминал убранство готического замка. Огромную кровать с балдахином окружали роскошные драпировки и резное дерево. Снизу стены были обиты панелями из темного дуба, а наверху красовались яркие средневековые фрески с дамами и рыцарями. Куда ни глянь, всюду резьба и лепнина: львы, лебеди, короны и лилии. А на высоком потолке было нарисовано небо в обрамлении покатых холмов. Свет пробивался в комнату сквозь узкие

длинные окна, украшенные затейливыми решетками, и на изножье постели падали тонкие сверкающие лучи. Занавески слегка покачивались на ветру, вдалеке раздавалось пение птиц и журчание воды. Пахло цветами и какими-то диковинными пряностями, вроде корицы или муската. Изредка среди птичьих трелей Эллис различал голоса и смех.

Спустив наконец ноги с кровати, он обнаружил, что пол покрыт толстым персидским ковром. Не желая щеголять голышом, Эллис обвязался простыней. Его рюкзак стоял около кровати, а одежду кто-то аккуратно сложил на кресло. Нож и кобура с пистолетом были на месте.

– Доброе утро, Эллис Роджерс! А я-то думала, ты будешь спать целый день! Как ты себя чувствуешь?

Эллис подпрыгнул от неожиданности и потуже затянул простыню. Рядом никого не было.

– Кто здесь? – спросил он, пытаясь заглянуть сквозь арку, ведущую в другую комнату.

– Меня зовут смотрительница Альва. Я вокс. Мне сказали, что ты попал к нам напрямую с травы и наверняка будешь сбит с толку – понятное дело, на траве жизнь другая. Пакс просил не донимать тебя вопросами, но... я в таком восторге, с ума сойти можно!

Голос отличался ото всех остальных и, несомненно, принадлежал женщине. Эллис никак не мог понять, где она находится, и не выпускал из рук простыню.

– Где вы?

– Что-что, дорогой мой?

– Где вы? Я вас не вижу.

– А, то есть Пакс не шутил. Потрясающе! Ну, чистый ультразвук! Конечно, ты меня не видишь. Говорю же, я вокс.

– А что такое вокс?

– Ого! Полный магнит! Совсем ничего не знаешь о воксах?.. А говор-то какой забавный! И вправду – дикий травяной человек. Там у вас, наверное, сплошные копья, луки и стрелы... Как же тебе объяснить? Даже сравнить не с чем. Ты сразу решишь, что я какой-нибудь дух. У вас поклоняются рекам и скалам, да? Куча богов на все случаи жизни? Тогда считай меня духом этого дома. Но бояться не надо, я добрая. Так что зови меня Альвой, дорогуша.

Эллис продолжал крутить головой, безуспешно пытаясь определить источник звука. Но голос лился сразу со всех сторон.

– Я не из такого далекого прошлого.

– Что-что?

– Я не из такого далекого прошлого. Никаких копий и стрел. В мое время были автомобили, самолеты, компьютеры...

– Компьютеры! Точно!..

– Так вы компьютер?

– Нет, но это лучше, чем дух домашнего очага. Счеты тоже компьютером не назовешь. Я присматриваю за Паксом. Слежу за порядком, забочусь, чтобы все были счастли-

вы и здоровы. Кормлю завтраком по утрам, передаю сообщения, устраиваю вечеринки, поливаю цветы, развлекаю, делюсь знаниями и советами – в общем, берегу своих ребят. Больше, конечно, Пакса, чем Вина. Пакс любит учиться, а Вин у нас умный, и так все знает. – Последняя реплика сочилась сарказмом. – Я помогаю Паксу уже несколько веков. Удивительный человек, широкая душа! И ни капли не сумасшедший, ясно? Заруби себе на носу, если хочешь остаться в этом доме, иначе будешь постоянно есть пересоленный суп и мыться в холодной воде. Уж извини за гнусные угрозы, но когда речь идет о Паксе, я готова порвать обидчика на куски!

– Но где именно вы находитесь?

– А, ты об этом. Мой физический носитель расположен в фундаменте комплекса, на самом нижнем ярусе.

– Получается, вы... вроде отопительного котла или бойлера?

– Ой, какой же ты милый! За семьсот восемнадцать лет меня ни разу не называли бойлером. Очень оригинально! Знаешь, как трудно в наши дни найти что-нибудь необычное? Но ты уникальный. Единственный в своем роде, подумай только! Как дерево, только еще и говорить умеешь.

– Кстати, Альва, а можно вопрос про язык?

– Конечно! Я знаю кучу любопытных глупостей.

– Как вышло, что мы понимаем друг друга? За две тысячи лет речь должна была измениться гораздо сильнее. И почему все говорят по-английски?

– Скажи спасибо Британской империи. В восемнадцатом и девятнадцатом веке английский стал основным языком среди колоний, как латынь во владениях Римской империи. А потом англоговорящие страны вроде США стали играть ведущую роль в мировой экономике, и английский превратился в язык международной торговли, что в свою очередь...

– Да, я понимаю, почему язык не исчез. Но отчего... Ну вот, к примеру, в Средневековье тоже говорили по-английски, но я бы не смог разобрать ни слова.

– Это потому, что в Средневековье не было пост-глобализации. Большинство лингвистических изменений происходят по двум причинам: из-за влияния других языков или под воздействием изоляции, в результате которой возникает самостоятельный диалект. К 2090 году все прочие языки почти исчезли – ими просто перестали пользоваться. Чтобы победить в экономической гонке, нужно было говорить на языке торговли. Разумеется, у каждого есть свои любимые словечки и пунктики, но благодаря огромной базе носителей языка и тому, что людям свойственно предпочитать привычное новому, форма коммуникации осталась почти неизменной. Возросшая продолжительность жизни тоже замедлила перемены.

Стройная теория. Но Эллиса терзали подозрения, что в Полем мире есть особая государственная служба, где сидят граммар-наци.

– Альва, еще один вопрос.

– Сдается мне, у тебя их гораздо больше, дорогуша. Не надо стесняться.

– Это дом Пакса?

– Да. Красиво, правда? Обязательно выгляни на балкон. Славное местечко, его все любят. Хорошо, что Пакс привел тебя сюда. Думаю, он и сам рад. Пакс любит разные древности.

– А кто сейчас дома?

– Только мы с тобой, милый. Пакс и Вин ушли. Но ты не расстраивайся, они думали, что ты будешь спать куда дольше. Я их уже предупредила, так что они скоро вернутся. И если тебе что-нибудь нужно, можешь попросить у меня. Они накачали тебя жидкостью и велели проследить, чтобы ты много пил. Хочешь чаю? Или, может, лимонада или цитрина? Красной или белой вистуны?

Эллису хотелось посмотреть, как бестелесный компьютерный голос станет угощать его напитками, но более насущные проблемы давали о себе знать.

– А не подскажите, где у вас ванная? Мне надо, кх-м... сходить в туалет. И еще было бы неплохо душ принять или хотя бы почистить зубы.

– Ах, в туалет! Конечно-конечно. – В маленькой незаметной арке загорелась лампочка. – Проходи вон туда, Эллис Роджерс.

Эллис натянул штаны – чистые, ни следа грязи и крови. Подхватил рюкзак и стопку одежды, нырнул под арку. Там,

внутри, его ждал тропический лес. Огромные деревья, покрытые благоухающими цветами и лианами, поднимались над густыми зарослями, в которых порхали бабочки. По скалам бежал ручеек, стекавший на плоский камень с большой ямкой посередине, – ни дать ни взять, умывальник.

– За лианами, – раздался голос Альвы.

Эллис нырнул сквозь зеленую завесу, способную бросить вызов любому мачете, и обнаружил изящную лагуну с водопадом.

– Вот тебе на... – выдохнул он.

– Что ты сказал, дорогуша?

– Ничего, – ответил Эллис. – Так, сам с собой разговариваю.

– Зачем? Ты всегда можешь обратиться ко мне!

– А вода здесь все время течет?

– Нет, конечно. Я включила ванну специально для тебя.

Температура водопада – сорок градусов. Если нужно потеплее или похолоднее, только скажи.

Сорок градусов? Эллис потрогал воду – отлично, горячая – и пожал плечами.

В этом уголке дикой природы не было никаких дверей, и Эллис решил разобраться с самыми важными делами до прихода хозяев. Унитаз в форме пенька больше походил на музейный экспонат. Воды в нем не наблюдалось, но, к глубочайшему шоку Эллиса, моча исчезала, не долетая до дна. Потом он вспомнил, что не взял с собой зубную щетку. Со

вздохом разделся и шагнул в лагуну.

– Напор и угол подачи воды можно настроить, – сообщила Альва. Здесь ее голос звучал по-другому: птичьи трели и журчание водопада норовили выбиться на первый план.

Эллис ничего не ответил. Хорошо, что она не пыталась развлечь гостя болтовней, пока он стоял около унитаза. Тут поневоле задумаешься: а сколько зарабатывают посредники? Может, они теперь вместо юристов?

Он медленно вошел в лагуну и встал под водопадом. Тело мгновенно расслабилось. Обжигающий душ всегда казался Эллису неприличной роскошью, а в размышлениях о горячей ванне было что-то неумовимо эротичное. Из стен вырывались струи пара, и джунгли заволокло дымкой.

– А у вас есть мыло? – спросил он.

Вода тут же вспенилась, как на автомойке, и вокруг слабо пахло сиренью. «Интересно, что будет, если попросить у Альвы воск?» – подумал Эллис. Улыбнулся и подставил лицо под мыльный поток.

Он плескался в лагуне дольше, чем планировал. Письма Уоррена попали к нему в руки совсем недавно, и с тех пор на Эллиса обрушилось очень много событий. Слишком много, за очень короткий срок. Даже утром, лежа на мягкой постели, он не сумел до конца осознать случившееся. Он не позволял себе ни о чем раздумывать, но во время купания мысли сами шли в голову.

Весь привычный мир бесследно исчез. У Эллиса больше

не было дома, а значит, ему не надо было выплачивать внушительный ипотечный кредит. Больше не нужно отвозить машину на техосмотр, менять масло или резину. Он остался совершенно свободен – свободен от Уоррена и Пегги, от неверной жены и друга-предателя. Прежняя жизнь оказалась погребена под невообразимо огромным грузом времени.

На смену старому миру пришел новый, совершенно удивительный. Ему удалось осуществить свою заветную мечту – и выжить. Он наконец-то совершил что-то по-настоящему важное. Каким-то непостижимым образом Эллис стал первым путешественником во времени. Все сложилось как нельзя лучше, но, стоя под горячим мыльным водопадом, Эллис почему-то расплакался.

Успокоиться не получалось. А еще не получалось понять, откуда взялись эти рыдания. Ведь он рисковал по-крупному и остался победителем – тут впору ликовать, а не чувствовать себя таким несчастным и жалким.

Супружеская жизнь была ничуть не похожа на идиллическую картинку, которую показывали в кино, но они с Пегги были вместе тридцать восемь лет, а потом Эллис взял и выбросил ее без долгих раздумий, словно пачку несвежего творога. С Уорреном они были знакомы еще дольше. Друг, который всегда прикрывал ему спину, тоже отправился на помойку. Может, для истории с письмами нашлось бы какое-нибудь объяснение, может, они просто... Но ничего уже не изменишь.

Если бы время не стерло гараж с лица земли, Эллис разобрал бы его по кирпичику собственными руками. Гараж стал воплощением всех его ошибок, начиная со смерти сына и медленного крушения брака и заканчивая тем, что побег в будущее теперь казался вершиной эгоизма. Он ведь даже записки не оставил. И Пегги наверняка до самой смерти мучилась от сотен неразрешенных вопросов.

Эллис снова опустил лицо в воду, позволяя слезам раствориться в потоке. Он не помнил, сколько он так простоял. Какая разница? Торопиться все равно некуда.

– Как выключить воду? – наконец произнес он.

Спустя мгновение водопад выключился, лагуна обмелела, облака пара развеялись, и на Эллиса подул горячим воздухом. Через пару минут он полностью обсох и натянул одежду.

Вернувшись в спальню, Эллис оставил рюкзак у кровати и отправился исследовать неизведанную территорию. Диковинные интерьеры ванной и спальни не шли ни в какое сравнение с другими комнатами в доме Пакса.

– Это наш салон, – гордо сообщила Альва, когда Эллис вошел в просторную залу со сводчатым потолком.

Убранство готического замка сочеталось в ней с тропическими зарослями: одно причудливо перетекало в другое, и комната превращалась в живописные руины, поросшие буйной зеленью и деревьями. На каменных стенах были высечены изящные арки и узоры, обрамлявшие все новые и новые

фрески, словно здесь поработали мастера эпохи Возрождения.

На глаза Эллису попался мольберт, вокруг которого лежали перепачканные краской тряпицы и стояли глиняные горшки с пучками разномастных кисточек. Позади них виднелось забрызганное гончарное колесо и плотнические инструменты. Но внимание Эллиса сразу привлекла дальняя стена – точнее, ее отсутствие. Комната обрывалась в пустоту. Никакого стекла, только широкий выход на большой овальный балкон.

Вид открывался потрясающий. Дом Пакса был высечен прямо в огромной пологой скале, среди сотен точно таких же – и каждый со своим балконом. Стены каньона были увиты цветами и плющом. На дне росли гигантские деревья, бросающие тень на «внутренний дворик», который мог потягаться в размерах с Центральным парком Нью-Йорка. Каньон был таким огромным, что люди, сидевшие на балконах напротив, казались мелкими муравьями, а в воздухе висела голубая дымка. Кое-где эту арену пронизывали колонны света, а среди ветвей сновали птицы всех цветов и размеров, оглашая пространство громкими песнями. Их трели отдавались эхом, будто в огромном атриуме.

Эллис спустился на балкон. Приглядевшись, он с удивлением понял, что там, далеко впереди, раскинулся огромный водопад, но тут его отвлек голос Альвы:

– Добро пожаловать домой. Спасибо, что не поленились

и предупредили о своем скором возвращении. Хотя нет, погодите, меня ведь никто не предупреждал! Правда, Пакс?

– Альва, не начинай.

– Не начинать? Я не прошу ничего особенного – обычной вежливости!

– Эллис Роджерс еще спит?

– Нет, он на балконе. Там всем нравится.

– Ты была с ним любезна?

– Я всегда со всеми любезна, милый. Вин, может, в следующий раз приберешь свои краски? А то ветер разбросал все тряпки по полу и опрокинул один горшок.

– Альва, ветром управляешь ты.

– А бардаком – ты.

Эллис обернулся и увидел на пороге салона Пакса в прежнем викторианском наряде. Встретившись с Эллисом взглядом, он улыбнулся.

– Как вы себя чувствуете?

– Голова болит.

– Да, Ча предупреждал.

– Зато в остальном мне гораздо лучше. Даже проголодался слегка.

– А чего вам хочется?

Эллис пожал плечами.

– Две тысячи лет прошло. Вряд ли у вас есть бургеры с картошкой.

– Альва?

– Название происходит от города Гамбурга, который находился в Германии. Гамбургер включает в себя дешевое перемолотое мясо домашних животных, известных как коровы или крупный рогатый скот. Еду бедняков зачастую обрабатывали гидроксидом аммония, чтобы уничтожить опасные загрязнители. В 2162 году это блюдо было запрещено к употреблению из-за угрозы для здоровья.

– Что, правда? – Пакс поморщился. – Значит, у нас нет такого шаблона?

– А ты хочешь попробовать? Для мышьяка у нас тоже шаблона нет.

Эллис фыркнул:

– Про хот-доги даже спрашивать не буду.

Пакс встревоженно уточнил:

– Вы и в самом деле ели собак?

– Нет, дорогой мой, – сказала Альва. – Но, боюсь, от моих объяснений легче не станет. Может, минлатту с эстрагоновым соусом? Новый шаблон от Яла.

– Лучше не спорить, – сказал Пакс. – Альва все равно делает по-своему.

– Я не против.

– Вин, ты будешь минлатту? – Голос Альвы донесся из другой комнаты, а Пакс вышел к Эллису на балкон. Ответ Вина прозвучал неразборчиво и приглушенно.

– Здесь очень красиво, – заметил Эллис. – Мы уже не в Мичигане, да?

– В Мичигане?

– Там, где мы с вами встретились. – Эллис посмотрел на солнечные лучи. – Это было вчера? Я проспал целый день?

– Да, вы долго спали.

– Мы с вами прошли через ту порталную штуковину?

– Да.

– И где мы сейчас? В Африке? В Южной Америке? – Эллис не знал, что и думать. Он редко путешествовал, но видел фотографии и смотрел фильмы: такие места всегда находились где-то далеко-далеко, в странах третьего мира. Хотя за две тысячи лет страны третьего мира наверняка смогли улучшить свое положение.

– Это Полный мир, – ответил Пакс.

Эллис поднял на него озадаченный взгляд.

– Евразийская плита, Западная зона, сектор Тринджент, квадрант Ла-Бриде.

– Ух ты, – сказал Эллис. – Длинное название. Только про место все равно ничего непонятно. Я думал, будет что-нибудь попроще. Рио, например. Что располагалось здесь две тысячи лет назад?

– Вы слышали о Париже?

– Тот, который во Франции?

– Да.

– Так это Париж?

– Не совсем. Мы с вами находимся там, где раньше был Париж. Но примерно миль на пять глубже.

Эллис посмотрел на величественные скалы, на узкую полосу неба над каньоном: его ослабевшие с возрастом глаза различали горы на горизонте. Он обвел взглядом деревья, птиц и наконец выдал из себя очень красноречивый ответ: – Э?

Их разговор прервали чьи-то шаги.

– Эллис Роджерс, позвольте представить вам Вина. Мы живем вместе.

Эллис обернулся. Позади стоял очередной клон, и наряд у него был еще выразительнее, чем у Пакса: двубортный диккенсовский фрак, рубашка с кружевным воротом и цилиндр. Правда, было неясно, точный это клон или нет, потому что Вин нацепил на себя маску. Белую, то ли из фарфора, то ли из пластика. Она полностью закрывала верхнюю часть лица, так что был виден только рот. Сразу вспоминался «Призрак оперы» Эндрю Уэббера.

– Приятно познакомиться. – Эллис протянул руку. И тут же понял, что за две тысячи лет правила вежливости могли сильно поменаться. Как ни странно, Вин пожал его ладонь. Только хватка у него была совсем вялая.

– Вин художник. – Пакс сообщил об этом с таким пафосом, будто знакомил Эллиса с самим Творцом. – Большинство картин и скульптур в доме – его работа.

– Не скромничай. – Вин снял цилиндр и поставил его на полку около входа в спальню. – Ты тоже постарался. Горшки получились славные, отлично подходят для моих кисточек.

На Вине были бродяги и высокие черные сапоги, словно он только что вернулся с лисьей охоты. «Художник» прохаживался по комнате с гордым и самоуверенным видом, напоминая персонажа из какой-нибудь шекспировской пьесы.

Когда Вин принялся стягивать белые перчатки, Эллис обернулся к Паксу.

— Значит, мы под землей?

Вопрос застал Пакса врасплох.

— Хм-м? Ах да. Скорее даже не пять миль, а четыре. Разумеется, мы не геоманты.

— А как же солнечный свет?

— Это ложный свет. — Вин говорил гораздо громче Пакса, как актер, вещающий со сцены. Он остановился перед балконом, словно впервые в жизни рассматривая простиравшийся перед ним пейзаж. Потом пожал плечами. — Ничего особенного.

— Думаешь? — удивился Пакс. — А мне всегда казалось, что ложный свет — это нечто потрясающее. Особенно, если много времени проводишь сверху, на траве. Никак не отличить от настоящего.

— Ну, ты-то, может быть, и не отличишь, — сказал Вин.

— Да, наверно, на взгляд опытного специалиста...

— Вот именно.

— Вы серьезно? — не выдержал Эллис. — Уж не знаю насчет опытных специалистов, но я вижу солнечный свет. А я всю жизнь провел под настоящим солнцем. Это просто чудо. Так

красиво!

– Не думаю, что вы способны оценить красоту. У вас нет нужной квалификации, – сказал Вин.

Прозвучало это как оскорбление, но Эллис не разбирался в здешних обычаях. Древний римлянин тоже наверняка бы обиделся за своего бога войны, если бы окружающие стали обсуждать полеты на Марс. Начинать скандал из-за недопонимания – последнее дело. В этом доме он был гостем, да и вдруг это такая шутка? Эллис решил, что лучше вести себя поскромнее.

– Моя жена бы с вами согласилась. Никогда не понимал, чем хороши обои, которые она выбрала, а уж в платьях вообще не разбирался. Но мне кажется, что оценить красоту может любой человек. Ну, знаете, в глазах смотрящего и все такое...

Вин ухмыльнулся.

– Да уж, Пакс, ты откопал настоящего неандертальца. Признаю, поначалу я сомневался, но теперь все понятно. Придется ужинать вместе с варваром, который готов завыть на луну в любую минуту. Право же, тебе следовало спросить разрешения. Тогда мы бы хоть гостей пригласили, чтобы они тоже взглянули на эту нелепость. Нужно сделать граммы, иначе нам никто не поверит.

А вот это уже точно оскорбление! Но прежде чем Эллис успел ответить, призрак оперы покинул салон, скрывшись под одной из арок.

Пакс неловко поджал губы.

– Кажется, вы обидели Вина.

– Это я его... ее... обидел этого Вина? Ведет себя, как дурак какой-то.

Пакс округлил глаза.

– Поймите, Вин художник!

– Да, я понял. Рисует симпатичные картинки, которые ни в какое сравнение не идут с этим прекрасным видом. Разве рисунок может быть лучше настоящего пейзажа? По мне, так это обычное бахвальство. – Эллис указал на долину. – И освещение меняется со временем. Поразительно. Мы точно под землей?

Пакс кивнул.

– Значит, ложный свет?

– На первых подземных фермах было искусственное освещение для растений, а людям приходилось обходиться без солнца. Они жили в крошечных кабинах. Но человеку тоже нужен свет, и очень скоро работники начали тосковать. Они все время пытались вернуться наверх, на траву, и работали из рук вон плохо. Поэтому и изобрели ложный свет. Целое новое производство, а потом и отдельный вид искусства – между прочим, первый в Полном мире.

Пакс обвел рукой стены:

– Да, Вин нарисовал эти картины, но просто для развлечения. Настоящая работа у него там. – Пакс указал за пределы балкона. – Вин творит Полный мир.

– Что значит «творит»?

– Как скульптор высекает прекрасный образ из мраморной глыбы. Вот чем занимается Вин. Только вместо мрамора у него земля – вся литосфера планеты. Мы живем внутри его творения, здесь он выбирал формы, функции, ширину и высоту. И он такой не один. У нас много художников самого разного рода и разных школ. Одни создают ложный свет, другие занимаются водой. Мастера отражений, всплесков и брызг. – Пакс процитировал последнюю фразу нараспев, слегка притопывая. – Это у них девиз такой. Художников очень почитают за талант. Они самые уважаемые люди, за исключением геомантов, разумеется.

– А что такое «геомант»?

Пакс посмотрел на Эллиса и вздохнул.

– Альва, чем ты занималась, пока меня не было?

– Показала Эллису Роджерсу, где находится душ. По-твоему, надо было рассказать ему историю мира во время купания? И раз уж ты про меня вспомнил: ужин готов.

* * *

Столовая была похожа на замок Дракулы. Длинный полированный стол с хрустальными бокалами и фарфоровыми тарелками, канделябры и настенные панели из темного дерева.

В дальнем конце комнаты располагался внушительный

орган, и стоило им войти, как тут же заиграла какая-то жутковатая fuga. Первые ноты прозвучали оглушительно, и Пакс поморщился – звук сразу притих. В эту темную залу не попадал «наружный» свет, а из-за высокого сводчатого потолка она напоминала церковный неф.

– Альва? – спросил Пакс.

– Да, милый?

– Хотелось бы чего-нибудь менее мрачного.

– Вину нравится, когда...

– Знаю, но у нас сегодня гость. Давай ты выберешь вариант из своей любимой серии про голубые небеса?

– Да? Ну хорошо.

Деревянные панели, орган и сводчатый потолок мгновенно исчезли, и вместо мрачной залы Эллис очутился посреди цветущей весенней долины, окруженной горным кряжем. Над головой простиралось бескрайнее небо, вдалеке клубились пышные грозовые облака, а солнце клонилось к горизонту, разливая повсюду теплый оранжевый свет. Длинный обеденный стол сменился на деревянную скамеечку для пикника, накрытую клетчатой красно-белой скатертью. Сверху стояли глиняные кружки и плетеная корзинка. Эллис растерянно застыл на месте, не понимая, что произошло. Они все еще были в столовой? Наверное, Пакс просто сменил декорации – точно так же, как Эллис менял освещение в собственном доме. Но дело было не только в интерьере: Эллис чувствовал дуновение ветра, ощущал запах нагретой солнцем

травы и слышал тихий стрекот цикад.

– Мы все еще у вас дома?

Пакс удивился.

– Да. Просто в отличие от меня Вин предпочитает более мрачную... серьезную... обстановку.

Над столом промелькнула тень. Вскинув голову, Эллис увидел ястреба.

– Ого! Ну просто зашибись!

Пакс встревоженно посмотрел на него.

– Зашибись? Альва, нам нужен лед.

Эллис рассмеялся:

– Нет-нет. Я имел в виду, что это замечательно!

– Сленг двадцатого века, Пакс, – вставила Альва («Точь-в-точь, как тетушка Вирджиния», – подумал Эллис). – «Зашибись» означает положительную оценку происходящего; в наше время в сходных ситуациях употребляются выражения «магнитно» и «грильно».

– Да ну? – с сомнением переспросил Пакс, потом развернулся и зашагал через поле. – Я сейчас принесу еду и выясню, куда запропастился Вин.

Эллис присел на скамейку. Пакс исчез, оставив его одного.

Плоская равнина тянулась до самого горизонта. Казалось, Эллис внезапно попал в фильм Джона Форда или, по меньшей мере, на заставку «Виндоуз». Он глазел во все стороны и никак не мог успокоиться. Почти всю свою жизнь Эллис провел в Мичигане – в основном, в Детройте и его окрест-

ностях. Работа не отпускала. Помимо поездок в Массачусетский университет, он путешествовал всего один раз, во время медового месяца: тогда они с Пегги отправились в Мексику. Эллис всегда хотел поехать по свету, но мечты оставались мечтами, пока он не нажал кнопку в машине времени. И даже тогда ему не удалось покинуть Детройт. А теперь он был где-то под Парижем. Хотя какая, в сущности, разница? Как ни крути, Эллис находился очень далеко от дома...

Его ногу задел стебелек. Эллис сорвал его и размял, пачкая пальцы в травяном соке. Поднес руку к лицу, и в нос ударил летний запах свежестриженного газона. Как такое возможно?

– Вин неважно себя чувствует... – Пакс прошел по высокой траве, неся в руках поднос с едой. Ветер трепал полы его сюртука.

«Ну уж конечно». Эллис старался избегать скоропалительных выводов, но Вин ему не нравился.

– Значит, обедаем вдвоем?

Пакс кивнул и поставил на стол тарелки – спагетти под белым соусом с рублеными овощами. Эллис решил немного подождать: вдруг Пакс будет читать молитву? Этот обычай соблюдали не все, но раньше таким вещам уделяли куда больше внимания.

Пакс без промедлений принялся за еду.

Эллис посмотрел на свою тарелку и прошептал: «Спасибо». Не за пищу и даже не за то, что ему удалось выжить.

Просто Господь выслушал его в трудную минуту, и теперь Эллис испытывал благодарность. Наверное, для того людям и нужен Бог: чтобы было, за кого ухватиться. Еще вчера Эллис думал, что умрет с голоду, и чудеса двух последних дней отлично способствовали религиозному настрою. Но была тут и другая причина: в дивном новом мире у Эллиса не осталось ни одной знакомой души, кроме Господа.

– Как продвигаются дела с расследованием убийства? – спросил Эллис.

– Ча организовал утилизацию трупа, – ответил Пакс. – А я весь вечер и почти всю ночь просидел со студентами, которые наткнулись на мертвое тело. Надо было убедиться, что у них не осталось психологической травмы. Переживают, конечно, но ничего, скоро оправятся.

– Надо же... Какими нежными стали люди.

– Я допускаю, что в ваше время убийства не были редкостью, Эллис Роджерс, но у нас все по-другому. Благодаря разнообразным защитным механизмам здесь почти не бывает несчастных случаев. Смерть чужда нашему миру.

– Вы уже упоминали об этом. Но как такое возможно? А как же старость и болезни?

Пакс втянул макаронину и взял со стола клетчатую салфетку.

– ИСВ покончил с болезнями сотни лет назад. Конечно, со старостью дела обстояли сложнее. В предыдущих версиях им удалось замедлить процесс старения, но окончательно от

него избавились только в последнем образце.

– Образце?

– Хм... Вы разбираетесь в генетике? Знаете, что такое ДНК?

– Слышал. Когда я покинул свое время, работа над проектом «Геном человека» уже завершилась. Ученые определили структуру ДНК, но еще толком не начали анализ данных.

– Ясно. Последовательность пар нуклеотидов, составляющих ДНК, чем-то похожа на рецепт. В ваше время все люди были разными, так ведь?

Эллис кивнул:

– Как снежинки.

– ИСВ начал экспериментировать с последовательностями нуклеотидов, в основном, из-за эпидемий, случившихся в 2150-х годах. То ли лекарства перестали помогать, то ли вирусы стали устойчивее – не знаю. В общем, в ИСВ пытались изменить структуру ДНК, чтобы защитить людей от болезней. Поднялась страшная шумиха: производители лекарств возмущались, люди протестовали против генетических экспериментов – один скандал за другим. Но через несколько столетий в ИСВ сумели вывести идеальную цепочку ДНК. И этот образец вы видите перед собой. – Пакс улыбнулся и слегка поклонился, не вставая с места. – Болезни и старость стали жуткими призраками из далекого прошлого.

– То есть вы никогда не... Сколько вам лет?

– Мне? Всего триста шестьдесят. Еще совсем малыш. По-

коление Катастрофы. – Пакс снова принялся за макароны, а Эллис безуспешно пытался понять, что имелось в виду.

Вздохнув, Пакс отхлебнул из стакана.

– Вы столько всего еще не знаете о нашем мире. Я надеялся, что Альва хоть немного...

Порыв ветра сорвал шляпу с головы Пакса.

– Альва, перестань ребячиться!

Пакс поймал шляпу и, придерживая ее, снова сел на скамью.

– Но если никто не умирает, то население постоянно растёт. Разве это не вызывает сложностей? – спросил Эллис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.